

А.М. Сунгурский

Наследник чужого века

А.М. Сунгурский

Наследник чужого века

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Наследник чужого века / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Роман Звягин выныривает — и начинает задыхаться. Теперь ему нужна вода. После катастрофы земного корабля чужие спасатели вернули его память, но собрать человеческое тело не сумели. Капитан существует сразу в семи телах. Вера, которую Роман любит, научилась летать и не хочет возвращать прежнее тело. А один из пассажиров восстановлен дважды — и оба помнят одну семью на Земле. Роман собирает экипаж, чтобы найти дорогу домой. Но как перевезти тех, кому нужны разные воздух, вода и тяжесть? Чем дольше длится путь через чужие миры, тем яснее: сохранить воспоминания о человеке ещё не значит спасти самого человека. И даже если они доберутся до Земли, прежними туда уже не вернуться.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Без лошадей	5
Глава 2. Цена бочки	11
Глава 3. Хозяйка редкостей	18
Глава 4. Чужой почерк	24
Глава 5. Место под крышей	30
Глава 6. Девочка в окне	35
Глава 7. Человек с сухими руками	41
Глава 8. Письма без адреса	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

А.М. Сунгурский

Наследник чужого века

Глава 1. Без лошадей

Перед самым выездом Марк ещё раз переложил железного жука.

Тот должен был стоять на выставочном столе, перебирать шестью проволочными ногами и не падать с края. Пока жук уверенно выполнял только последнее: Марк приклеил его к дну коробки. Устроитель фестиваля просил привезти что-нибудь понятное детям, и Марк, человек с высшим техническим образованием и двумя просроченными счетами, потратил на насекомое три вечера.

Он сунул рядом отвёртку. Потом забрал её: нужная, потеряется.

— Поедем так, красавец. Будешь изображать спящего.

В боковой двери фургона отражалось утреннее солнце. Марк проверил ремни на принтере, защёлки ящиков и упор складного верстака. Маленькая мастерская была устроена тесно, но за четыре года он научился проходить её, не цепляясь рукавом за тиски. Под полкой лежали две плоские солнечные панели, за ними — коробки с пластиком. Генератор и бензин стояли в отдельном отсеке у задних дверей. Аккумуляторную станцию он вечером зарядил в мастерской; теперь зелёные цифры показывали полный запас.

Марк коснулся ладонью нагретого крыла. На белой краске ещё виднелся прямоугольник, где раньше были слова «Лунёв и партнёры». Партнёров не осталось, а переклеить надпись руки не доходили. Он оставил только номер телефона и две строки: «Выездной ремонт. Механика и электроника».

Телефон зазвонил, когда он закрывал дверь.

— Ты уже уехал? — спросила сестра.

— Почти.

— Значит, ещё можно попросить.

— Ульяна, если это опять сушилка, я её помню.

— Это мама. Она уверена, что ты сегодня заедешь.

Марк посмотрел на часы. До Павловска он собирался добраться с запасом, выгрузиться, запустить принтер и только потом выяснять, почему устроитель перестал отвечать на сообщения. Вечером ему ещё предстояло забрать деньги за отремонтированную кофемолку. Хозяин кофейни уже неделю удивлялся, что человек, умеющий чинить сложные вещи, так настойчиво интересуется простой оплатой.

— Я в воскресенье обещал.

— Она услышала «на выходных».

— Сегодня суббота.

— Ты ей это объясни. Она знает, что сегодня суббота, и всё равно замочила фасоль.

— Заеду вечером. Поздно.

Ульяна не ответила сразу. На её стороне что-то зашумело, затем зазвенела посуда.

— Не надо обещать, чтобы я отстала. Ты если не можешь, так и скажи.

— Могу. Поставлю жука на стол и поеду.

— Какого жука?

— Родственника. У него тоже шесть рук, а ничего не успевает.

Сестра засмеялась. Марк уже держал ключ в замке зажигания, но не повернул.

— Как она?

— Нормально. Утром сходила за хлебом. Свою палку опять забыла дома.

— Не забыла.

— Вот именно. Ладно, езжай. Я ей скажу, что поздно.

Связь оборвалась раньше, чем Марк успел попросить не ждать его к ужину. Он записал матери короткое сообщение, убрал телефон в держатель и выехал со двора.

В субботнем городе люди двигались с особенной уверенностью: никто не опаздывал на работу, и потому всякий имел право занять дорогу целиком. На перекрёстке перед фургоном долго поворачивала машина с велосипедами на крыше. Марк переждал, не сигналив. На экране мигнуло имя устроителя. Тот наконец сообщил, что разгружаться нужно с другой стороны площадки и что розеток на всех не хватит.

Марк ответил голосом:

— У меня своё питание. Стол оставьте, пожалуйста. Именно стол. В прошлом году вы тоже обещали стол, а принесли стул.

Он улыбался, когда говорил. Ему нравились эти беспорядочные сборища: люди приносили вещи, которым отдали больше времени, чем было разумно, и хотя бы на один день переставали оправдываться.

Ближе к Пулкову навигатор предложил объезд. Марк заранее посмотрел съезд, перестроился и свернул на дорогу между ограждениями. Несколько раз здесь меняли движение; справа торчал высокий кран, у бетонных блоков стояла машина дорожной службы. Он проехал мимо неё, сбросил скорость перед поворотом — и увидел поперёк дороги свет.

В первую секунду показалось, что солнце отразилось от листа металла. Полоса стояла низко, почти у асфальта, широкая, с неровным краем. Марк прищурился. Руки сами повернули руль чуть левее, хотя объехать её было нельзя: свет тянулся от одного ограждения до другого.

Он нажал тормоз.

Педаля ушла под ногой обычным тугим ходом, в кузове коротко звякнул инструмент. Белизна поднялась до ветрового стекла. На миг пропали дорога, кран и собственные пальцы на руле; остался только серый прямоугольник приборной панели. Потом перед фургоном возникла лошадь.

Марк ударил по тормозу до конца.

Животное метнулось вправо. За ним перевернулось что-то высокое, дощатое, и по стеклу рассыпались капли грязи. Фургон скользнул боком, под передним колесом глухо стукнуло. Марка бросило вперёд, ремень впился в грудь. Он удержал руль и остановился.

Несколько секунд работал только двигатель.

Марк заглушил его, потянулся к кнопке аварийки и увидел, что палец дрожит. Включил свет. За лобовым стеклом лежала дорога без асфальта. На правом краю возвышалась перевёрнутая телега, из-под неё торчало колесо. Лошадь билась в упряжи, вздёргивая голову. Между оглоблями и канавой двигался человек.

Марк отстегнулся и выскочил наружу.

— Стойте! Не тяните её!

Человек поднял на него белое от пыли лицо. На вид ему было лет семнадцать. Он держал лошадь у самого рта, а свободной рукой пытался отодвинуть оглоблю.

— Отойди от колеса, — сказал Марк. — Она тебя придавит.

Юноша что-то крикнул в ответ. За телегой показался другой человек, широкоплечий, с непокрытой седой головой. Он схватил лошадь выше повода и резко повернулся к Марку.

— Свою убери!

— Что убрать?

— Свою-то! Огонь мелькает!

Марк оглянулся. Жёлтые огни вспыхивали по краям фургона. Он вернулся к двери, выключил аварийку и только тогда заметил, что за машиной нет ни бетонных блоков, ни дорож-

ной техники. Прямая колея уходила между полями. На противоположной стороне темнели несколько низких построек.

Он машинально посмотрел вверх, ища кран.

— Помочь пришёл или стоять? — крикнул седой.

Марк побежал обратно.

Лошадь уже успела содрать кожу над передним копытом. На оглобле висела сорванная ременная петля. Юноша с трудом выпрямился; левую руку он прижимал к животу.

— Где болит?

— Не у меня болит. У неё.

— Руку покажи.

— После покажет, — сказал седой. — Колесо подними. Под ним зажал.

Марк присел, не заходя под телегу. Деревянный конец упряжи оказался зажат между ободом и землёй. Если приподнять край, его можно было освободить. Он уже потянулся к колесу, но седой резко выставил ладонь.

— Вот сюда не суй. Сейчас дёрнет — пальцы оставишь. Доску подай.

В канаве лежали вылетевшие из телеги бочки и короткий тесовый щит. Марк вытащил щит, обломив торчавшую занозу, и подал мужчине. Тот подсунул дерево, выбрал место, упёрся коленом. Юноша забрал у него повод.

— Теперь поднимай. На себя не тяни.

Они приподняли телегу вдвоём. Марк почувствовал, как под ладонью крошится мокрая земля. Седой удерживал щит бедром, пока освобождённая оглобля не выскользнула из-под колеса. Лошадь рванулась, юноша отскочил вместе с ней. Марк выпустил обод. Телега упала на бок, и из пустой бочки покатился негромкий деревянный гул.

— Цела? — спросил седой.

Юноша провёл ладонью по шее лошади, что-то сказал ей у самого уха.

— Вроде.

— Глядеть надо, а не вроде.

Седой сам подошёл к животному, осторожно провёл рукой по ногам. Марк стоял возле телеги, тяжело дыша. На правой ладони саднило. Он посмотрел: неглубокий порез, кровь смешалась с грязью.

Всё вокруг было слишком тихим.

После внезапного торможения, конечно, всегда наступала странная тишина: слух ждал продолжения удара. Но здесь не слышалось даже далёких автомобилей. Шумел овёс у дороги, стрекотало что-то в траве. Ветер шевелил полы длинного, засаленного кафтана на седом мужчине.

Марк посмотрел на его сапоги, потом на телегу.

— Вы откуда здесь взялись?

Мужчина поднял голову.

— Я-то?

— Тут дорога была.

— Вот она, — ответил мужчина. — Ты на ней и стоишь.

Марк обошёл фургон, всё ещё ожидая увидеть съёмочную группу.

Левое переднее колесо съехало с плотной середины дороги, но стояло на земле, не провалившись в канаву. На бампере висел клоч сухой травы. Удар пришёлся в торчавший камень: пластик треснул, нижний угол ушёл внутрь. Под машиной ничего не текло. Марк потрогал

колесо, затем поднял взгляд на небо. Ни проводов, ни самолётного следа. Только медленно распускавшееся облако над пологой высотой.

В телефоне не было сети.

Он включил и выключил авиарежим. Пока аппарат искал связь, открыл карту. Синяя точка осталась у последнего поворота; над ней появилось сообщение о поиске сигнала. Марк приблизил изображение. По карте поперёк того места, где стояла телега, проходило ограждение. За ним должны были быть подъезд и невысокий склад.

Он сфотографировал поле.

Это было первое действие, которое не имело никакой немедленной пользы, и оттого немного помогло. Марк сделал ещё два снимка — дороги и далёких построек, — вернулся к карте, снова посмотрел через открытую дверь. У него не сходились две простые вещи. Объяснение наверняка существовало, но он пока не мог даже поставить вопрос так, чтобы не звучать идиотом.

У фургона остановился юноша. На нём были широкие полотняные штаны, короткая рубаха и тёмная безрукавка с оборванной пуговицей. Ссадину на предплечье он залепил мокрой землёй.

— Ты что сделал? — спросил Марк.

Юноша спрятал руку.

— Ничего.

— Водой надо промыть. Подожди.

Марк вытащил из дверного кармана бутылку и забрал аптечку. Юноша не отходил, разглядывая кабину. Его взгляд остановился на руле, спустился к педалям, вернулся к пустому месту перед капотом.

— Куда ты их дел?

— Кого?

— Лошадей.

Марк открыл рот и закрыл.

— Их тут не было.

Юноша некоторое время молчал. Потом с явной неприязнью посмотрел на колёса.

— Потому и бросило. Чего ж ты правишь, коли никто не везёт?

У него был совершенно серьёзный голос. Марк предложил руку ладонью вверх. Юноша не понял. Тогда Марк показал на ссадину и поднял бутылку.

— Давай смою. Грязь в ране — плохо.

— Знаю я.

— Зачем намазал?

— Лилась.

Кровь из нескольких царапин действительно успела пропитать рукав. Марк поливал руку, пока большая часть земли не ушла. Юноша шипел сквозь зубы и сердито косился на прозрачную бутылку. Когда Марк вынул запаянную салфетку, он отёрнулся.

— Это что?

— Чистая ткань. Покажу.

Марк разорвал упаковку, развернул салфетку и дал потрогать свободный угол. Юноша ощупал её, посмотрел на пакет, который уже упал на подножку, и протянул руку обратно.

— Зовут тебя как?

— Григорий. А вас?

— Марк.

— Марк как?

— Сергеевич. Лунёв.

— Вы учёный?

— Нет. Ремонтирую вещи.

Григорий посмотрел на фургон.

— Эту тоже?

— И эту придётся.

— А то выехали бы на исправной.

Марк неожиданно рассмеялся. Смех вышел короткий, сдавленный. Григорий отступил на полшага и перестал улыбаться, хотя до того у него уже дёргался угол рта.

— Извини, — сказал Марк. — Ты прав. Лучше бы на исправной.

Он закрепил повязку. Пальцы у Григория двигались, на прямой вопрос о боли тот пожал плечами и сказал, что терпеть можно. Седой всё это время ставил телегу на колёса. Марк убрал аптечку, сунул телефон в карман и пошёл помогать.

Одна бочка треснула по обручу. Остальные оказались пустыми, только в двух на дне плескалась вода. Марк хотел предложить стяжной ремень, но мужчина прежде потребовал повернуть бочку повреждённой стороной вверх. Осмотрел, провёл пальцем вдоль клёпок и с огорчением выругался.

— На обратном-то пути, — сказал он. — Пустые довести не можем.

— Я заплачу за ремонт.

— Это понятно. Ты лучше скажи, колёса свои на дорогу поставишь или мне здесь до вечера торчать.

Марк оглянулся. Фургон занимал больше половины проезда. Между ним и канавой оставалась узкая полоса, на которую телега уже не помещалась.

— Поставлю. Только лошадь отведите. Он загудит.

— Чего он сделает?

— Шум будет. Сразу. Не пугайтесь.

Мужчина посмотрел на него с выражением, в котором недоверие смешалось с досадой. Затем взял лошадь под уздцы и отвёл шагов на тридцать. Григорий остался возле телеги, но отец — теперь Марк уже не сомневался в их родстве — крикнул ему отойти тоже.

Марк сел в кабину. Он успел заметить, что седой мужчина перекрестился, прежде чем отвернуться. Стартер сработал с первого раза. Лошадь вскинула голову; мужчина заговорил с ней, удерживая обеими руками. Марк осторожно вывел фургон из колеи и остановил у дальнего края. Бампер скрёб по траве, но колёса слушались руля.

Когда двигатель умолк, Григорий уже стоял напротив капота. Он не подходил ближе. Седой вернулся медленно, всё ещё ведя лошадь, и спросил:

— На паре?

— Нет.

Мужчина глянул на переднюю решётку, потом на выхлопную трубу.

— А котёл где?

Марк не ответил. Его взгляд остановился на деревянном колесе телеги. На стёртом ободе блестела железная полоса, закреплённая без современных гаек и болтов. Он уже успел подержаться за неё. Заноза торчала в основании большого пальца. Слишком дорогая постановка для человека, у которого даже не спросили согласия на съёмку.

— Что это за место? — спросил он.

— Пулково.

— Здесь, рядом, посёлок?

— За поворотом. Ты откуда едешь-то?

— Из Петербурга.

— Стало быть, дорогу видел.

Марк посмотрел назад. Дорога была. Только другая.

— Как вас зовут?

— Авдей Матвеевич. Копылов.

— Авдей Матвеевич, здесь телефон есть?

Мужчина нахмурился.

Марк достал свой. Экран засветился. Григорий подался вперёд, отец молча оттянул его за рукав.

— Мне позвонить нужно, — объяснил Марк и сам услышал, насколько бесполезны слова.

— Сказать домой, что я...

Он не закончил. Вверху экрана оставалась дата: двадцатое июня две тысячи двадцать шестого года.

— Вы сегодня какое число считаете?

— Восьмое. Июня.

Разница ничего ему не сказала. Память торопливо предлагала объяснения: календарь, старообрядцы, представление, чужая община. Марк ещё мог держаться за любое из них.

— А год?

Авдей посмотрел на разбитый угол фургона. Затем внимательно, совсем иначе, посмотрел на самого Марка.

— Головой ударился?

— Нет. Просто скажите.

Григорий ответил прежде отца:

— Тысяча восемьсот тридцать шестой.

И, немного подумав, добавил:

— Если тебе другие скажут, всё равно этот.

Марк опустил руку с телефоном. На экране ещё светилось непрочитанное сообщение матери. Она прислала его перед выездом, пока связь была: фотографию глубокой тарелки с водой и фасолью.

«Много не делаю. Только на нас».

Он нажал на фотографию. Несколько белых зёрен прилипли к эмалированному краю. В кадр попал конец маминой домашней кофты, старой, с потёртым манжетом; Марк много раз видел, как она отодвигает его, прежде чем опустить руку в воду.

— Слышишь? — спросил Авдей.

Марк поднял голову.

— За поворотом двор есть. Лошадей отведём, твою штуку со двора не видно будет. Там и сядешь.

— Мне надо назад.

— Назад тебе тоже сидя ехать. А ты сейчас побежишь, гляжу.

Марк хотел возразить, но не нашёл слов. Авдей поднял с дороги свою шапку, выбил пыль о бедро и отдал повод Григорию.

— Далеко здесь? — спросил Марк.

— Пешком дойдём. Поедешь за нами, только не гуди.

Он посмотрел на перевязанную руку сына и добавил уже тише:

— И за бочку после сочтёмся. Не потеряешься.

Глава 2. Цена бочки

В ворота фургон прошёл со сложенными зеркалами.

Марк ехал на самом малом ходу, глядя попеременно на Авдея и на правый столб. За телегой вдоль забора тянулся след пролитой воды. Лошадь увели в дальнюю часть двора; Григорий стоял возле неё, прикрывая ладонью перевязанную руку, чтобы повязка не цеплялась за повод.

Из дома вышла женщина с мокрыми локтями. Увидела машину и остановилась на верхней ступеньке. Марк заглушил двигатель, но она всё равно не двинулась.

— Авдей, — сказала она наконец, — ты чего привёз?

— Сам приехал.

— Это я вижу.

— Человек ушибся. Посидеть надо.

Женщина посмотрела на Марка, потом на раздавленную бочку в телеге.

— Кто кого ушиб?

Авдей снял шапку.

— Испугалась она. Повело нас. Гришке руку ободрало.

Женщина сразу сошла с крыльца. Подошла к юноше, велела отвести руку, осмотрела повязку. Григорий терпел, отвернувшись с видом человека, которого давно пора оставить в покое.

— Кто перевязал?

— Он.

— Крепко не стянул?

— Да нет, тётка.

Только после этого она вернулась к фургону. Обошла его спереди, не касаясь белого бока, и посмотрела в стекло, где отражалось её лицо.

— Убрать можешь?

— Куда? — спросил Марк.

— Под навес. Весь въезд занял.

Он послушно сел обратно. Пока разворачивался, женщина убрала из-под навеса козлы и старую кадку. Авдей оттащил бочку, Григорий закрыл ворота. За ними уже слышались голоса. Кто-то постучал, спросил, что за шум. Женщина ответила через доски, что телега опрокинулась, и велела идти своей дорогой.

Она дождалась, пока Марк выйдет.

— Прасковья Матвеевна. Это брат мой, — сказала она, показав на Авдея. — Двор не его, чтоб гостей возить без спросу.

— Он мне помог. Я ненадолго.

— Ненадолго все. Сколько же топить-то нужно такую махину?

— Она сейчас не греет. Двигатель выключен.

Прасковья вытерла руки о передник.

— Дыму чтобы не было. Сено рядом. И огня никакого.

Марк пообещал. Впервые за последний час он понял, что от него требуется, и с облегчением исполнил ещё две просьбы: передвинул свою сумку и не поставил её на выскобленный стол.

В доме пахло хлебом, мокрым полотном и чем-то кислым, оставленным в деревянной посуде у печи. Марк сел у окна. На стене висела тёмная икона, под ней горел маленький огонёк. У дальней лавки стояла рама с натянутыми нитями. Прасковья сняла с неё тряпку, посмотрела на спутанный край работы и снова прикрыла.

Авдей вошёл следом. Он умылся во дворе, и вода ещё оставалась в складках у шеи. Сел напротив, достал из-за пазухи бумагу и разгладил на столе.

— Вот, — сказал он. — Столько бочек получил. Столько вернуть должен. Не мои они.

Марк увидел имя владельца, несколько строк, не сразу понятные буквы и внизу дату: «Июня 6 дня 1836 года».

Он придвинул бумагу к себе.

— Можно?

Авдей не выпускал край. Тогда Марк достал телефон, показал на бумагу и спросил, можно ли снять её. Авдей нахмурился, но лист оставил. Марк сфотографировал расписку и увеличил дату.

Никакой царапины на последней цифре. Тройка, шестёрка. Чужая рука, бумага с неровным краем, высохшие чернила. Он держал в руках вещь, которая объясняла сама себя лучше, чем все слова на дороге.

— Ты читаешь? — спросил Авдей.

— Читаю.

— Тогда видишь. Одну испортил — одну отдай. Или почини, если умеешь.

Марк достал кошелек. Несколько тысячных купюр, две пятисотенные, банковские карты. Он положил на стол бумажные деньги и сразу понял, что делает глупость, но убрать их, не объяснившись, было уже поздно.

Авдей взял купюру за угол. Поднёс к окну, потрогал пальцем рисунок.

— Это какие?

— Мои деньги.

— Откуда?

Марк молчал. Прасковья подошла, забрала бумагу у брата и несколько секунд рассматривала её, чуть отводя от глаз.

— Красиво, — сказала она. — А наши есть?

— Нет.

Она положила купюру перед ним. Марк сунул деньги обратно в кошелек, ощущая себя взрослым человеком, которого поймали с фантиками вместо платы. В кармане лежал телефон, стоивший больше, чем он зарабатывал за несколько хороших ремонтов. Под навесом стояла мастерская. Нечем было заплатить за чужую бочку.

— Я посмотрю, — сказал он. — Может, получится восстановить.

Авдей подвинул к нему кружку.

— Выпей сперва. Ты белый весь.

Марк сделал глоток и ощутил вкус хлебного кваса. Он не знал, насколько чиста вода, из которой его приготовили, и собственное знание оказалось сейчас неприятным, беспомощным: пить хотелось так, что он выпил ещё. Прасковья положила на край стола ломоть хлеба, миску со щами и ложку. Разговор о деньгах на этом закончился.

Марк вымыл руки во дворе своей водой. Занозу вынул пинцетом, заклеил ладонь небольшим пластырем. Григорий наблюдал из-за плеча. Когда Марк предложил проверить повязку, тот показал руку без прежнего упрямства и спросил, нет ли у него ещё такой чистой ткани.

— Есть. На завтра дам. А сейчас оставь, не трогай грязными пальцами.

— На завтра? Вы у нас останетесь?

— Не знаю.

Григорий поглядел на закрытые ворота.

— Батюшка домой собирался. Я могу на дворе побыть.

Марк понял предложение не сразу.

— Чтобы не украли?

— Так за забором уже двое ходят. Говорят, железный воз видали.

Марк поднял глаза. Между досками мелькнуло чьё-то лицо и исчезло. Он вернулся к фургону, закрыл кабину, проверил боковую дверь. Заднюю створку пришлось придержать плечом: после торможения сместилась одна из коробок и мешала защёлке. Он поставил её на место, затянул ослабший ремень и только тогда запер.

Ему предстояло оставить всё своё имущество во дворе людей, которых он знал меньше двух часов. Уехать на машине значило появиться на дороге, где он уже напугал лошадь. Остаться — отдать неизвестным право решать, сколько здесь можно стоять. Все обычные способы обеспечить себе безопасность вели к новым неизвестным людям.

Марк взял из ящика рулетку, тонкие перчатки и мультитул. Последний переложил из ладони в карман куртки, потом зачем-то проверил карман ещё раз.

— Я на дорогу схожу, — сказал он Авдею. — Туда, где это случилось.

— Чего потерял?

— Хочу посмотреть.

Авдей поднялся.

— Гришка проведёт.

— Я найду.

— Найдёшь. Он лошадь выведет, пусть пройдётся. На ногу посмотрим.

Григорий уже отвязывал повод. Марк не стал спорить.

На дороге всё осталось так, как они оставили.

Чёрные следы шин начинались почти у самой перевернутой прежде телеги. До них по плотной земле шла обычная колея. Марк присел возле начала следа, провёл пальцем по короткой полосе резины. Приехавшая машина должна была оставить отпечатки и раньше, хотя бы слабые, но он их не находил.

Григорий держал лошадь поодаль. Та дёргала губой траву и время от времени переступала передней ногой. Марк всматривался в землю.

Он прошёл назад шагов пятьдесят. Потом ещё. Дорога поворачивала возле канавы, за ней зеленел пологий склон. Ни ограждения, ни высокой машины дорожной службы. Марк поднялся на бугор, достал телефон и снова попытался позвонить сестре. Аппарат не нашёл сеть.

Он набрал сообщение: «Со мной всё в порядке. Я задержусь».

Посмотрел на него, стёр вторую фразу, потом первую. Оставил пустое поле и погасил экран.

По дороге прошли двое мужчин с инструментом на плечах. Один задержался возле Григория, спросил о лошади. Юноша отвечал коротко, поглядывая на Марка. Мужчины тоже посмотрели на него, однако подходить не стали. Они спорили о работе на высоте: один уверял, что туда и ночью людей поставят, если начальство велит; другой отвечал, что начальство пусть сперва само ночью увидит, куда класть землю.

Марк проводил их взглядом. Где-то за пологой вершиной действительно стучали. Там не было знакомого большого здания, которое он столько раз видел из окна машины, но на склоне двигались люди и поднималась сухая пыль.

Он вернулся к колее, отмерил расстояние от камня, на который наехал, до начала следов и сфотографировал всё с нескольких сторон. Затем встал туда, где, как ему казалось, должен был находиться передний бампер перед вспышкой.

Ничего не произошло.

Это было настолько ожидаемо, что он даже разозлился на себя за разочарование. Прошёл то же место ещё раз, медленнее. Потом остановился.

Григорий отвёл взгляд.

— Ты чего? — спросил Марк.

— Ничего.

— Думаешь, сошёл с ума?

Юноша обдумал вопрос без поспешного утешения.

— Вы говорите ладно. Только делаете чудно.

Марк сел на камень, зацепившийся утром за бампер. Камень выступал из земли серым округлым боком; свежий скол был почти белым. От перенесённого волнения, недосыпа и плотного обеда хотелось закрыть глаза. Он не закрыл. Боялся, что, когда откроет, окажется в ещё каком-нибудь месте, а фургон останется здесь.

— Гриша, сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Ты здесь родился?

— Нет. Мы к тётке ездим. У нас дом дальше.

— А в Петербурге бываешь?

Григорий кивнул.

— Какой он?

Юноша посмотрел на него с недоумением. Марк поднял ладонь.

— Я знаю. Я сам сказал, что из Петербурга. Просто расскажи. Что тебе там нравится?

Григорий некоторое время молчал. Лошадь потянула повод; он сделал шаг за ней и сказал:

— Корабли. Только близко не всегда пускают. А так стоишь, глядишь. На большой можно ходить, как по двору, и всё равно места останется. Я бы туда пошёл.

— На корабль?

— Ага.

— Матросом?

— Кем возьмут.

Он произнёс это быстро, словно о следующем вопросе уже жалел. Марк решил больше не спрашивать. Снял куртку, перекинул через руку. Солнце грело затылок; над травой поднимались мелкие насекомые. Мир никак не желал выглядеть местом, где с ним произошло несчастье.

На обратном пути Григорий показал, где можно пройти короче. Марк свернул за ним. Они обошли огороды, миновали невысокую изгородь. Из двора донёсся голос Прасковьи, сердитый и отчётливый:

— Ещё раз палку просунешь — я тебе её вместе с пальцами вынесу.

Марк ускорил шаг.

У ворот стояли трое мальчишек. При виде Авдеева сына они отступили, но не ушли. Один держал длинную ивовую ветку. Марк забрал её молча, поставил к забору и вошёл во двор.

Прасковья сидела у двери с работой на коленях. Авдей устроился рядом с бочкой. Он снял повреждённый обруч, и теперь отдельные клёпки немного разошлись. Марк присел возле него.

— Так хуже не будет?

— Уже хуже некуда. Вот эту менять надо. Видишь?

Он показал трещину вдоль деревянной дощечки. Марк провёл пальцем по краю, рассмотрел паз возле дна. Представил, как начнёт сейчас подгонять незнакомую деталь, сколько испортит прежде, чем она перестанет пропускать воду, и убрал руку.

— Бондарь здесь есть?

— Есть. За так не станет.

Марк поднялся и открыл фургон. Сначала посмотрел на ящик с крепежом, потом на зарядку. Достал складной верстак и поставил под навесом. Григорий подошёл сразу. Прасковья убрала работу в сторону.

— Что у вас сломано? — спросил Марк.

— У нас? — переспросила она.

— Что-нибудь, за что мастеру платить собирались. Я сделаю. Вы за бочку заплатите. Если договоримся.

Прасковья посмотрела на брата.

— Обещал давно, — сказала она.

— Тут одно с другим не путай.

Но она уже вошла в дом. Вернулась с деревянной рамой, которую Марк видел у лавки. В одной боковине расходилась трещина, и нижняя перекладина шаталась. Прасковья поставила раму на стол, обеими руками удерживая натянутые нити.

— Вот. Сводишь — снова расходится. Работа вся кособоко идёт.

Марк осмотрел соединение. Старинная вещь оказалась устроена просто и хорошо. Её испортили не возрастом: кто-то пытался забить слишком толстый клин, расколов край.

Он спросил, можно ли снять натяжение. Прасковья велела ему не трогать и сама освободила работу, приговаривая, где оставлять нитки, чтобы потом не собирать всё заново. Марк дождался, пока дерево разгрузится, достал струбцины и несколько тонких полосок бука, оставшихся от прежнего заказа.

Когда он защёлкнул первую струбцину, Прасковья попросила повторить. Он разжал, показал ещё раз. Она взяла инструмент и попробовала сама.

— Удобная, — сказала она.

— Да.

— Тоже отдашь?

— Нет. Одну такую отдам — завтра нечем работать.

— Значит, за раму.

Марк улыбнулся.

— За раму. Только сперва сделаю.

Он работал долго, гораздо дольше, чем предполагал, когда открывал дверь. У него была дрель и десятки подходящих свёрл, но он всё равно несколько раз измерил место, прежде чем коснуться старого дерева. Прасковья следила за руками. На шум инструмента прибежал Авдей; постоял, сказал, что с улицы слышно, и принёс старое одеяло, которым прикрыв широкую щель между створками ворот.

Григорий помогал держать раму. Когда Марк подал ему линейку, юноша стал разглядывать деления.

— Это не дюймы?

— Нет. Другая мера.

— И зачем столько?

— Маленькое мерить.

Григорий приложил линейку к своему пальцу, потом к ширине ногтя. Марк хотел объяснить, что значат числа, но Прасковья спросила, не пора ли примерять перекладину, и он вернулся к работе.

Раму удалось укрепить так, чтобы она не мешала ткани. Марк не стал прятать новые деревянные вставки: они остались светлее старых боковин. Прасковья провела ладонью по краю, потянула соединение на себя. Оно выдержало. Она села, вернула работу, натянула нити и сделала несколько движений.

— Не качается, — сказала она.

— Не должна.

— Это я и говорю. Хорошо.

Марк вдруг ощутил голод. Он поднял голову; свет во дворе заметно изменился. Несколько часов исчезли за понятной задачей, и на эти часы он перестал быть человеком, у которого больше нет адреса.

Прасковья вынула из небольшого мешочка деньги и отдала брату. Сумму они обсуждали тихо. Марк не вмешивался: он ещё не умел судить, много ли стоит то, что лежало на её ладони.

Авдей взял монеты, но задержался у стола.

— Я к мастеру снесу. Как сделает, тогда скажу — сочлись. Может, ещё дно повело.

— Хорошо, — ответил Марк.

Он снял перчатки и спрятал струбины в ящик. В кармане завибрировал телефон. Сердце ударило так сильно, что он выхватил аппарат, задев больную ладонь.

На экране было напоминание, поставленное им вчера: «Забрать оплату за кофемолку».

Марк долго смотрел на надпись. Потом отменил напоминание и убрал телефон.

К воротам подъехала коляска.

Прасковья встала первой. Пока она разговаривала с приехавшим, Марк закрыл фургон и убрал инструменты со стола. Движения были медленными. Он устал сильнее, чем после полного рабочего дня, хотя сделал совсем немного.

Во двор вошёл невысокий мужчина в тёмном сюртуке. Шляпу он держал в руках. Сначала поклонился Прасковье, потом Марку; фургон осмотрел только после этого.

— Лунёв Марк Сергеевич?

Марк выпрямился.

— Откуда вы знаете?

— Прасковья Матвеевна назвала. Прошу простить вторжение. Семён Ильич Извеков, служу у Екатерины Павловны Лавриной.

Он произнёс фамилию с небольшой паузой, оставляя Марку возможность её узнать. Не дождавшись, продолжил:

— До нас дошёл рассказ о вашей машине. Я сначала не поверил. Теперь вижу, что рассказчик, пожалуй, многое упустил.

Марк посмотрел на Прасковью. Она подняла подбородок.

— Мимо ехали, — сказала она. — У ворот спрашивали. Я не бегала.

— Я вас ни в чём не обвиняю.

— Вот и хорошо.

Извеков позволил им закончить. Затем достал плотную карточку и протянул Марку.

— Екатерина Павловна интересуется механическими редкостями. Есть вещь, которую здешние мастера не берутся исправить. Вам, вероятно, будет любопытно.

— Я её ещё не видел.

— Разумеется. Вас просят только посмотреть. За дорогу и время заплатят отдельно.

— Где?

— Недалеко. Завтра могу прислать коляску.

Марк опустил взгляд на карточку. Имя было отпечатано чёрным, края украшал тонкий рисунок. Внизу стояло несколько слов, дописанных рукой Извекова. Он узнал то же непривычное окончание, что в расписке Авдея, и почему-то именно это успокоило его больше предложения денег.

— Машину оставлять не хочу.

Извеков посмотрел на фургон, затем на тесный навес.

— У Екатерины Павловны каретный сарай просторнее. И двор закрытый. Но я советовал бы сначала познакомиться.

— Почему?

— Чтобы вы знали, к кому едете.

Служащий говорил без нажима. Марк не нашёл в его лице ничего, что помогло бы решить, следует ли ему верить.

Извеков положил шляпу на сгиб руки и добавил:

— И ещё одно, Марк Сергеевич. Здесь уже много любопытных. Если хотите сохранить за собой право показывать машину, кому пожелаете, лучше не устраивайте сегодня новых представлений.

— Это угроза?

— Совет человека, который знает, кому обычно достаются редкости.

Он поклонился Прасковье, обещал утром прислать человека за ответом и ушёл. Марк остался с карточкой в руке. За воротами отъезжала коляска; её колёса негромко постукивали на неровностях, и этот звук постепенно смешался с обычными дворовыми голосами.

Прасковья взяла свою раму, осмотрела светлую вставку и сказала:

— Богатая она. Там хоть заплатят.

— Вы её знаете?

— В лицо знаю. А кто их так знает, чтобы тебе поручиться?

Марк повернул карточку. На обороте ничего не было.

Глава 3. Хозяйка редкостей

Спать Марк остался в фургоне.

Прасковья предложила лавку в доме, но он отказался. Сказал, что так привык. Она не стала уговаривать и принесла свёрнутое одеяло, пахнувшее сундуком и сухой травой.

— Твоего-то мало, — объяснила она. — Ночью остынет.

В ворота больше не стучали. Авдей вернулся от бондаря, сказал, что бочку взяли в работу, и ушёл с Григорием домой. Завтра сын обещал прийти рано. Марк отдал ему несколько чистых салфеток, показал ещё раз, как закреплять повязку, и только после этого почувствовал, что может наконец перестать быть полезным.

Он сел на откидное сиденье возле верстака, включил ноутбук и долго смотрел, как появляется знакомый рабочий стол. Четыре папки в углу. Фотография двигателя, который он собирался восстановить к осени. Файл с названием «Счета_новые». Всё осталось на месте. От этой исправности стало почти больно.

На ноутбуке лежала скачанная энциклопедия. Он возил её скорее по привычке: в некоторых цехах сеть едва работала, а связь по дороге могла пропасть надолго. Технические книги, справочники и установщики помещались на отдельном накопителе. Марк нашёл историческую статью о Пулкове, затем о железной дороге к Царскому Селу. Читал сначала быстро, выхватывая даты, потом медленнее.

Обсерватория ещё строилась. Железная дорога — тоже. Следовательно, работы на склоне, о которых спорили встреченные люди, могли быть настоящими. Обычными работами своего времени. Он не попал в пустой декорационный мир, ожидавший, когда кто-нибудь включит его ради гостя.

Марк открыл календарь в браузере без сети. Страница не загрузилась. Он раздражённо закрыл её, нашёл календарную таблицу в сохранённом справочнике и выяснил разницу между стилями. Восьмое июня местного календаря соответствовало двадцатому июня привычного ему счёта — только другого века.

Совпадение дня и месяца сначала показалось важным. Он записал его на листе, затем рядом поставил вопросительный знак.

Внутри фургона становилось душно. Марк приоткрыл верхний люк, прислушался, не идёт ли кто-нибудь, и снова сел.

Он составил короткий список. Не вещей вообще — того, что нельзя было легко заменить.

В баке оставалось около двух третей дизельного топлива. Отдельно стояла двадцатилитровая канистра бензина для генератора. Вода, пластик для принтера, исправные батареи, кабели, лекарства. У ноутбука была вторая зарядка; у телефона — запасной кабель. От этой мелочи он испытал почти неприличную радость, будто кто-то всё-таки позаботился о нём заранее.

Марк подключил телефон к станции и положил рядом. Экран показывал, что заряд пошёл. Он вспомнил множество случаев, когда оставлял аппарат на ночь с включённым видео и даже не думал, откуда к нему приходит электричество.

За стенкой шевельнулась лошадь. Где-то у забора негромко кашлянули. Марк выключил верхнюю лампу и остался при свете ноутбука.

Через некоторое время в дверь постучала Прасковья.

— Спишь?

Он закрыл ноутбук, открыл дверь.

Хозяйка стояла на земле, держа край передника обеими руками. Позади неё ещё было достаточно светло, чтобы разглядеть ворота и тёмную полосу огородов. Марк глянул на часы:

поздний вечер. Про белые ночи он знал всю жизнь, но сейчас ему хотелось обычной полной темноты, которая наконец отделила бы один день от другого.

— Завтра к ней поедешь? — спросила Прасковья.

— Думаю, да.

— Ты уж подумай. Я тебя не гоню. Только у меня и своих хлопот хватает.

Марк спустился с подножки.

— Что случилось?

— Ничего. Пока. Ты откуда, чьих будешь, где жил — я не знаю. Бумаги у тебя есть?

Он мог достать паспорт. Тот лежал в сумке, в отделении вместе со свидетельством на машину. Фотография, имя, дата рождения. Марк представил, как хозяйка показывает его знакомому, знакомый несёт дальше, а затем кто-то спрашивает, почему взрослый человек утверждает, что родится через полтора столетия.

— Есть. Но здесь их не поймут.

Прасковья долго смотрела на него.

— Я тоже не понимаю, — сказала она. — Ты человек, видно, не злой. Да за другого доброго тоже ответ держать приходится.

— Я уеду завтра.

— Я сказала — не гоню. Если день-другой надо, живи. Только лишнего ко мне не приводи.

Он кивнул. Прасковья посмотрела внутрь фургона. Из-за его плеча ей был виден голубоватый прямоугольник телефонного экрана.

— Там всё светится у тебя.

— Скоро выключу.

— В домах свечи тоже гасить умеют, — сказала она и ушла.

Марк лёг, не раздеваясь полностью. Подложил куртку под голову, накрылся хозяйским одеялом. Несколько раз ему казалось, что он слышит машину на дороге, но всякий раз звук распадался на колёсный стук и шаги лошади.

Он всё-таки записал сообщение матери. Не отправлял, просто говорил в телефон, подбирая слова так осторожно, словно от них что-нибудь зависело.

— Я жив. Со мной всё в порядке. Я понимаю, что это странно говорить, когда...

Он остановил запись. Не стёр. Убрал телефон под свёрнутую куртку и повернулся лицом к стене.

Утром Григорий пришёл с небольшим узелком и спросил, можно ли ему самому увидеть, как машина просыпается.

— Сегодня не будем её заводить, — ответил Марк.

— А вдруг потом не проснётся?

— Отдых ей не повредит.

Григорий развернул узелок. Там лежали два яйца. Он объяснил, что батюшка велел отдать, и сразу отошёл к верстаку, давая понять, что благодарностей не ждёт.

Марк достал солнечные панели. Во дворе нашёл место, на которое ещё не падала тень навеса, поставил их на опоры и протянул кабель к станции. Далеко от фургона унести её не позволяла длина провода. Пришлось передвинуть несколько досок, а одну панель чуть повернуть; цифры на экране изменились, и Марк оставил её в новом положении.

Григорий присел рядом.

— Что делает?

— Солнечный свет собирает. От него потом лампа горит.

Юноша поднял ладонь, заслоняя край панели. Число уменьшилось. Он убрал руку, посмотрел на Марка, затем повторил опыт с другой стороны.

— А зимой?

— Хуже.

— Тогда на крыше бы держать. Чтобы снег не заносил.

— До крыши ещё добраться надо. Пока здесь постоят.

Григорий выпрямился. Мысль о крыше ему явно понравилась, и он уже прикидывал лестницу. Марк попросил ничего не переставлять, пока его не будет. Юноша нехотя согласился.

Человек за ответом приехал после завтрака. Коляска ждала за воротами. Марк попросил подождать, собрал сумку: небольшой набор ручного инструмента, штангенциркуль, фонарь, лупа, телефон. Подумал и добавил отвёртку с несколькими насадками. На этом остановился. Весь верстак с собой не унесёшь.

Прасковья принесла тёмный жилет и длинную верхнюю одежду, которую Марк сперва принял за слишком узкое пальто.

— Надень, — сказала она. — Твоё издали видно.

— Чьё?

— Покойного мужа. Рукава тебе коротки будут, а плечи в самый раз.

Она помогла ему переодеться и отступила, оценивая результат. Современные брюки и обувь всё равно оставались заметными, но надпись на футболке больше не бросалась в глаза.

— До дома доедешь, — заключила Прасковья. — Там как знают.

Марк закрыл машину и передал Григорию только маленький ключ от наружного ящика с ветошью.

— Если дождь пойдёт, накрой панели вот этим чехлом. Кабели не вытаскивай. Я скоро.

— А большой ключ?

— У меня останется.

Григорий кивнул без обиды. Ему и маленького ключа оказалось достаточно: он повесил его на шнурок, который вытащил из кармана, и спрятал под рубаху.

Дом Лавриной стоял за садом, в стороне от большой дороги.

По пути Марк видел огороды, лошадей, людей, остановившихся посмотреть на коляску. Дважды ему хотелось спросить, долго ли ещё, но он удержался. Приходилось учиться расстоянию, которое нельзя было проверить по движущейся точке на экране. Он запоминал повороты, рощицу возле низины, развилку с кривым столбом. За ней дорога стала ровнее, и вскоре появились ворота.

Извеков встретил его на крыльце. Здесь служащий держался увереннее, чем во дворе Прасковьи: коротко распорядился убрать коляску, спросил, завтракал ли гость, и велел принести воды для рук.

Марк вымыл руки, осторожно обходя пластырь. Человек, подавший полотенце, заметил белый прямоугольник, но ничего не спросил.

Комната, куда его провели, была меньше, чем обещал фасад. У окна стояло кресло с высокой спинкой, рядом — столик на изогнутых ножках. На другом столе теснились фарфоровые фигурки, часы под стеклом, деревянная птица с раскрытым крылом и какие-то блестящие вещи, назначение которых Марк не успел понять.

Екатерина Павловна не сидела в кресле. Она стояла возле птицы, придерживая двумя пальцами её длинный хвост.

— Семён Ильич сказал, вы добрались без лошадей, — произнесла она вместо приветствия. — А сегодня с лошадьми. Уже сломалось?

Марк поставил сумку у ноги.

— Сегодня машину оставил.

— Разумно. Сначала посмотрите на хозяйку.

Она повернулась к нему. Лицо у неё было полное, с мягкими щеками и живыми, внимательно прищуренными глазами. Возраст угадывался по шее и рукам сильнее, чем по лицу. На указательном пальце блестел крупный камень; другой рукой она продолжала удерживать хвост, будто опасалась, что птица уйдёт.

— Екатерина Павловна Лаврина.

Марк поклонился так, как поклонился бы пожилой заказчице, и представился.

— Сергеевич, — повторила она. — Я услышала. Садитесь. Только на то кресло не садитесь, у него ножка. Семён Ильич, почему его до сих пор не убрали?

— Вы велели оставить до приезда столяра.

— Столяр не приехал. А люди садятся.

Извеков молча переставил перед сломанным креслом маленькую ширму. Марк сел на стул возле окна.

— Вы механик? — спросила Лаврина.

— По основной работе — инженер. Ремонтирую оборудование.

— Где учились?

Он назвал Петербург, не назвал институт. Лаврина подождала. Марк понимал, что ответил недостаточно, но не представлял, как ответить лучше.

— Каких лет? — спросила она.

— Тридцать восемь.

— Не мальчик. Семён Ильич сказал — моложе.

— Я не давал точной оценки, — заметил Извеков.

— Вы никогда её не даёте. Потому и ошибаетесь редко.

Марк улыбнулся. Лаврина заметила улыбку и позволила разговору немного ослабнуть.

— Что же за машина у вас? Паровая?

— Другая. Горючее сгорает внутри двигателя.

— И вы сами сделали?

— Нет. Купил. Потом переделал под мастерскую.

Это, кажется, заинтересовало её больше, чем возможное авторство.

— Значит, такие продают?

Марк посмотрел на Извекова. Тот стоял у окна, сложив руки за спиной.

— Там, откуда я приехал, продают.

— А где это «там»?

— Далеко.

Лаврина отпустила птичий хвост. Он медленно опустился, словно птица утомилась держать его поднятым.

— Хорошо. Пока далеко. Семён Ильич, дайте нам вещь.

Извеков принёс со стола невысокий футляр. Лаврина сама открыла его. Внутри стоял маленький домик под прозрачным колпаком. Перед домом росло металлическое деревце, на ветке сидела птица. У дверей застыл человек с корзиной. Всё было сделано из дерева и металла, с потёртой краской, но настолько тонко, что Марк наклонился прежде, чем успел спросить разрешение.

— Можно посмотреть ближе?

Лаврина подвинула футляр.

— Ради этого вас и позвали.

Марк вынул лупу. На крыше домика заметил вмятину; под деревцем торчал короткий обломок тяги. Стекланный колпак снимался вместе с рамкой. Он поставил его на мягкую подкладку и осторожно коснулся фигурки.

— Не заводите, — сказала Лаврина.

— Пока не собирался.

— Другие сразу заводят. Потом говорят, что прежде уже было сломано.

— Что он делал, когда работал?

Её лицо изменилось. Марк видел это у людей, приносивших старую вещь: ещё минуту назад они говорили о цене, а потом оказывалось, что главное событие случилось много лет назад и объяснить его незнакомому мастеру гораздо труднее, чем показать трещину.

— Человек выходил, — сказала она. — Птица пела. Он подходил к дереву и ставил корзину. Потом открывалось окно.

— Кто был в окне?

— Девочка.

— И всё?

— Нет. Она махала ему рукой. Но это вы уже сами увидите, если удастся.

Марк приподнял основание. Внизу было несколько шурупов с прямым шлицем. Один отличался от остальных, ещё один явно заменили позже. Снимать всё подряд он не стал. Сначала сфотографировал механизм со всех сторон, подсветил углубление под домом и увидел перекошенную ось.

Лаврина наклонилась к нему.

— Что за зеркало у вас?

Марк показал экран. На нём оставался увеличенный снимок.

Она взяла его за запястье, придвинула телефон ближе, потом посмотрела на настоящий домик.

— Это сейчас?

— Да.

— А вы уберите. Домик уберите.

Извеков переставил футляр. Лаврина продолжала смотреть на экран, где домик остался на прежнем месте.

— Сохраняется, — объяснил Марк. — Изображение.

— Надолго?

— Пока не сотру. Или пока сам прибор не испортится.

Лаврина отпустила его руку. На лице у неё больше не было прежней иронии.

— Меня можете?

Марк помедлил.

— Могу.

Она отошла от стола и встала у окна. Поправила кружево на груди, потом, словно рассердившись на собственную поспешность, опустила руки.

— Так?

Марк сделал снимок.

Лаврина подошла сразу. На фотографии свет лёг ей на одну щёку, оставив вторую в мягкой тени; стоявшая позади птица казалась приколотой к её плечу. Она рассматривала изображение долго, молча. Затем провела пальцем по экрану, и снимок сдвинулся.

— Я испортила?

— Нет. Вот.

Марк вернул фотографию. Лаврина смотрела на собственные руки, на край кружева, на лицо. Извеков тоже подошёл, но остался чуть сзади.

— Мне это можно оставить? — спросила она.

— Сам прибор — нет. Отдельно изображение пока не могу дать.

— Нарисовать с него?

— Нарисовать можно.

Она вернулась к столу, но уже не трогала птицу.

— Семён Ильич, заплатите Марку Сергеевичу за проезд. Как условились. А за работу пусть сам скажет, когда посмотрит.

Извеков положил на стол серебряный рубль. Марк взял монету. Она была тяжёлой, настоящей, с отчётливыми буквами по краю. Он спрятал её в отдельный карман, подальше от бесполезных тысячных бумажек.

— Я могу открыть основание? — спросил он.

Лаврина кивнула.

Марк расстелил чистую ткань, поставил фонарь так, чтобы свет падал под основание, уложил автомат на бок и принялся снимать нижнюю крышку.

Внутри пахло старым маслом. Тонкие тяги сходились к барабану с небольшими выступами. Часть привода заклинило; рядом лежал отломившийся кусочек металла. Марк снял его пинцетом и положил отдельно.

— Сколько лет этой вещи?

— Больше двадцати, — ответила Лаврина.

— Кто делал?

— Один здешний мастер. Его уже нет.

Марк повернул основание к свету.

На внутренней стороне крышки была закреплена плоская латунная пластина. Сначала он принял её за след прежнего ремонта: квадратную накладку, закрывавшую щель. Потом увидел узор. Чёрные углубления, светлые клетки между ними и три больших квадрата по углам.

Он перестал двигаться.

Извеков спросил что-то о сломанной детали. Марк не ответил. Положил крышку ровно, подвёл к ней телефон и открыл приложение, которым обычно считывал метки на запасных частях.

Камера не сразу поймала рисунок. Свет отражался от латуни. Марк отвёл фонарь, наклонил крышку, и на экране возникла строка.

ANDREY.2024>1798

Он смотрел на неё, пока телефон не начал гаснуть.

— Вы прочли? — спросила Лаврина.

Марк поднял голову. Она стояла напротив, держась обеими руками за край стола.

— Там что-то написано? — спросила она. — Я думала, это такая печать.

Марк снова взглянул на крышку, на вырезанные в латуни клетки.

— Как звали мастера?

— Андрей Борисович Савельев.

— Когда он умер?

Лаврина медленно выпрямилась.

— В шестнадцатом году.

Марк удерживал телефон над столом. Рука уже устала, но он всё ещё боялся пошевелиться и потерять короткую строку, которая только что соединила его с другим человеком.

Глава 4. Чужой почерк

— Вы его знали? — спросила Лаврина.

Марк положил телефон экраном вниз. Строка осталась у него перед глазами, как бывает после яркого света. Две тысячи двадцать четвёртый. Тысяча семьсот девяносто восьмой. Между ними — крошечный знак, для которого не требовалось ни чертежа, ни доказательства.

— Нет.

— Тогда отчего вы так спрашиваете?

— Он оставил надпись. Я понимаю, как её прочесть.

Лаврина протянула руку к крышке, но остановилась, не дотронувшись до металла.

— И что там?

Марк мог сказать «имя и даты». Это было бы правдой, из которой вынули всё существенное. Он и сам терпеть не мог такие ответы, когда заказчик умалчивал, что сгоревший блок до него уже пытались чинить. Но отдать незнакомой женщине собственную историю, не зная даже, можно ли выйти из её дома без разрешения, он сейчас не мог.

— Имя Андрей. Остального я пока не понимаю.

Извеков перевёл взгляд с него на хозяйку. Та медленно убрала руку.

— Вы понимаете, но не хотите сказать.

Марк промолчал.

— Это разные вещи, — добавила она. — Для меня разные.

Из соседней комнаты донёсся звон посуды. Лаврина обернулась и велела подавать позже. Голос у неё был негромкий, привычный; Марку стало вдруг особенно ясно, что здесь проходит обыкновенный хозяйский день. Человек за дверью ждёт, когда можно накрыть стол. Кто-то греет воду. В саду работают. Ни один из них не знает, что на латунной пластинке помещаются два разрушенных мира.

— Как он умер? — спросил Марк.

— Сгорел.

Она сказала это без выражения и только потом опустила глаза на домик.

— В мастерской. Вы хотите расспросить о нём или починить вещь?

— И то и другое.

— Так бы сразу.

Лаврина села. Извеков подвинул ей маленькую подушку, которую она раздражённо отодвинула, затем всё-таки устроила под локтем.

— Я заказывала у него часы, — сказала она. — Не эти. Большие, для зала. Они ходят до сих пор, можете посмотреть. Он всё говорил, что часы должны показывать время, а не происхождение владельца. Я ответила, что за происхождение уже заплачено до моего рождения, а за часы плачу я.

Угол её рта дрогнул. Марк представил человека, который мог так сказать, и испугался лёгкости, с какой узнавал в незнакомце своего. Упрямый мастер из соседнего гаража. Мужчина в рабочей куртке, недовольный красивым бесполезным корпусом. Живой всего минуту назад, хотя умер за двести десять лет до того утра, в которое Марк завёл машину.

— Он откуда был?

— Об этом лучше спрашивать тех, кто с ним начинал. Ко мне его привели уже мастером.

— Кто привёл?

— Тимофей Артемьевич Нечаев. Вместе работали. Вы, верно, слышали?

Марк покачал головой.

Лаврина посмотрела на него с новым недоверием.

— Вы учились в Петербурге, занимаетесь машинами и о Нечаеве не слышали?

— Не слышал.

— Что ж, круг знакомых бывает узок.

Она произнесла это так, словно дала ему взаймы ещё одну возможность объясниться позднее.

Марк спросил о семье. Лаврина ответила не сразу. Поправила край рукава, затем сказала:

— Дочь осталась.

— Где она?

— В городе. Варвара Андреевна. Теперь Суворина.

Живая дочь. Не могила, не случайная запись в архиве, не исчезнувшая мастерская. Человек, который слышал голос Андрея Савельева. Марк уже хотел спросить адрес, но Лаврина подняла ладонь.

— Ей было мало лет. Не требуйте от неё слишком многого.

— А мать?

— Умерла ещё раньше. Девочке и так досталось.

Марк кивнул, будто получил обычную справку. На самом деле ему хотелось немедленно встать, забрать сумку и ехать в город. Он не знал, что скажет этой женщине. Возможно, просто произнесёт имя её отца и покажет экран. Всё равно это казалось ближайшим действием, имевшим смысл.

Лаврина следила за ним.

— Сядьте удобнее, Марк Сергеевич. У вас такой вид, будто коляска уже уходит.

— Мне нужен её адрес.

— Для чего?

Он не ответил сразу, и хозяйка посмотрела на разобранный автомат.

— У моего отца была табакерка, — сказала она. — После его смерти появились трое, которым он будто бы обещал её отдать. Все трое говорили о нём с большой нежностью. Я предпочла сохранить вещь.

— Я ничего у неё не прошу.

— Ещё не просили.

Марк почувствовал, как раздражение возвращает ему способность думать. Лаврина не обязана была верить ни его растерянности, ни словам. Она видела человека с невозможными вещами, который отказался объяснить простую надпись и сразу захотел найти наследницу покойного мастера.

— Напишите ей, — сказал он. — Скажите, что я нашёл знак на работе её отца. Если она захочет встретиться — встретимся.

Лаврина несколько секунд рассматривала его, затем кивнула Извекову.

— Запомните. Только своими словами ему не помогайте. Как сказал, так и передайте.

Служащий достал записную книжку.

— Назвать господина Лунёва?

— Конечно.

— Профессию?

— Механик, — сказал Марк.

Извеков записал.

Обещание встречи не успокоило его, но заставило вернуться к столу. Марк ещё раз сфотографировал пластину, отдельно — её положение на крышке. Проверил, что снимок сохранился. Только потом взял пинцет и осмотрел сломанную тягу.

Разбирать чужую работу оказалось приятно.

Это удовольствие пришло не вовремя, и Марк сперва пытался его оттолкнуть. Но маленький механизм был хорош. Под деревянным основанием скрывалась последовательность простых движений, связанных так, чтобы зритель не видел ни одного усилия: фигурка останавливалась, корзина опускалась, птица поворачивала голову. За каждым жестом стоял металл, выбранная длина плеча, поверхность, которую когда-то терпеливо довели напильником.

Он не увидел здесь ничего, что обязательно требовало бы знаний двадцать первого века. От этого вещь почему-то стала ближе. Савельеву пришлось делать то же, что делали остальные: заказывать металл, подгонять детали, ошибаться. Марк искал среди тяг знакомый крепёж или кусок современной пластмассы и не находил.

— Есть надежда? — спросила Лаврина.

— Есть. Только я пока не знаю, сколько неисправностей.

— Основную видите?

— Вижу одну. Она мешает увидеть остальные.

Извеков улыбнулся, глядя в окно.

Марк положил сломанную тягу на бумагу, обвёл её карандашом. Конец с отверстием уцелел, середина была выгнута. Простой новый рычажок можно было сделать в фургоне, но он не хотел заменять деталь, не выяснив, отчего её сломало. Если ось оставалась перекошенной, новая тяга лишь передавала бы усилие дальше.

— Пало? — спросил он.

— При мне — нет.

— А переносили недавно?

— Из города весной привезли. В футляре. Тогда уже не работало.

Он осторожно освободил зажатую ось. Деревянное основание в одном углу повело, и крепление потянуло за собой стойку. Понадобилась тонкая прокладка для проверки, потом другое закрепление. Марк объяснил это хозяйке без обещания окончательной цены.

— Сегодня закончите?

— Здесь у меня не всё. И лучше не спешить.

Лаврина положила ладонь на край стола.

— Вы ведь можете сказать, что не умеете. Я за это не взыщу.

— Могу. Сейчас умею не ломать дальше.

Она усмехнулась.

— Это уже больше, чем иногда предлагают.

Извеков спросил, нельзя ли отвезти вещь к Марку. Тот представил двор Прасковьи: хлебные крошки на столе, спутанные нити на раме, Григория, старающегося не показать интереса. Стекланный колпак Лавриной занял бы половину их свободного места. Стоимость одного неловкого движения он даже не представлял.

— Лучше я приеду с нужным, — сказал Марк. — Деталь измерю, подготовлю у себя. Здесь подгоню.

— У себя — это у Прасковьи? — уточнила Лаврина.

Он кивнул.

— Вы давно знакомы?

— Со вчерашнего дня.

— Она смелая женщина.

Тон был прежний, почти шутливый, но Марк услышал в нём то, о чём вчера говорила хозяйка двора.

— Я не собираюсь у неё задерживаться.

— А где собираетесь?

— Пока не решил.

Лаврина посмотрела на Извекова. Тот закрыл книжку.

— Екатерина Павловна, я могу показать сарай.

— Покажете после обеда. Сначала поговорим.

Она велела убрать чайный столик подальше от деталей, и Марк понял, что обедать ему всё-таки придётся здесь. В этом приглашении не было ни особой теплоты, ни насилия. Просто несколько людей уже сделали приготовления, а он оказался частью их порядка.

За столом Лаврина спросила, женат ли он.

Марк только что взял хлеб и от неожиданности положил обратно.

— Разведён.

Она приподняла брови.

— Давно?

— Четыре года.

— Дети?

— Нет.

Больше она об этом не спросила, но Извеков, сидевший на другом конце стола, перестал резать мясо. Марк увидел движение его руки и пожалел, что ответил так свободно. Он не знал, что здесь означает развод, какие вопросы следуют за этим словом и сколько лишних подробностей уже сообщил.

Разговор перешёл на дорогу, затем на дождь, которого ждали для сада. Лаврина жаловалась, что привезённый куст не приживается, хотя садовник перед покупкой уверял в обратном. Марк слушал и ел. Горячая еда возвращала телу ощущение нормальности, которому голова сопротивлялась. Ему казалось предательством, что можно находиться в тысяча восемьсот тридцать шестом году и с удовольствием доедать подливку.

Когда стали убирать посуду, Лаврина сказала:

— Семён Ильич спрашивал бы вас дольше. Я спрошу прямо. Кто за вас может поручиться?

Марк вытер пальцы салфеткой.

— Здесь — никто.

— Родные?

— Очень далеко.

— Бумаги?

— Есть такие, которые здесь не примут.

Она откинулась на спинку стула.

— И что мне с вами делать?

— Вы ничего мне не должны.

— Это я знаю. Потому и спрашиваю: что делать мне, если я захочу вас оставить?

Марк посмотрел на неё. Екатерина Павловна больше не улыбалась. Он вдруг заметил усталость в лице, которую прежде заслоняли быстрые вопросы и движения. Ей хотелось получить странного мастера вместе с его машиной и зеркалом. Но даже для неё желание не отменяло чужих правил.

— Не знаю, — сказал он.

Лаврина постучала ногтем по краю тарелки, которую ещё не успели унести.

— Машину вашу всё равно увидят. Уже увидели. Если о вас спросят у Прасковьи, она расскажет, что знает. И правильно сделает. Из-за одного дня знакомства отвечать за чужую жизнь глупо.

— Я сегодня её заберу.

— Некуда вам забирать. Можно привезти ко мне. Во дворе есть пустое место, ворота широкие. На несколько дней. Пока я попробую понять, кому задавать вопросы о вас и как задавать.

— А что вы скажете, если спросят здесь?

— Что заказала работу незнакомому мастеру. Это правда. Всю остальную правду хотелось бы услышать от вас раньше, чем от посторонних.

Марк мог показать паспорт, фотографии, календарь. Ему хотелось сделать именно это: выложить всё на стол и дожидаться, пока взрослые, уверенные люди найдут решение. Желание было настолько сильным, что он испугался его больше недоверия Лавриной.

— Мне нужно время.

— Мне тоже. Человек, которого я хотела бы спросить, сейчас в городе. Приедет не по первому моему вздоху.

— Нечаев?

— Его я позову посмотреть вашу машину. А о бумагах поговорю с другим человеком. Не смешивайте.

Извеков поднял глаза.

— Екатерина Павловна, до выяснения лучше не обещать...

— Я и не обещаю. Марк Сергеевич, вы слышали? Я могу дать вам крышу. Дать вам прошлое, которое подтвердят нужные люди, я не могу.

Он кивнул. Формулировка оказалась точнее, чем она могла знать.

Сарай стоял за хозяйственным двором. Внутри пахло сухим деревом и старой кожей; на стене висели ремни, в углу лежало снятое колесо. Извеков открыл обе створки, подождал, пока глаза Марка привыкнут к полумраку, и спросил, достаточно ли ширины.

Марк достал рулетку. Служащий придержал конец, не задавая вопросов о цифрах. До верхней перекладины оказалось больше, чем нужно, по бокам оставался запас. Пол был земляной, плотный, с неглубокой колеёй.

— Здесь нельзя будет зажигать двигатель надолго, — сказал Марк.

— Вы же не собирались никуда ехать в сарае.

— Иногда нужно проверить работу. Тогда выкатывать наружу.

Извеков записал что-то в книжку. Марк спросил, есть ли замок.

— Поставим.

— Ключ мне нужен свой.

— В доме Екатерины Павловны все ключи свои, — ответил служащий. Потом взглянул на него и добавил: — Понял. От машины оставите у себя. От сарая ключ будет и у нас. Иначе нельзя.

Такое условие Марк принял. Он сам никогда не отдавал арендуемый бокс человеку, которого знал полдня, без запасного способа попасть внутрь. Вчера это показалось бы здравым смыслом; сегодня хотелось назвать недоверием.

За сараем оказалось открытое место, подходившее для панелей. До дома тянулась дорожка. Марк запомнил колодец, лужу у водостока, просевшую доску через канаву. Всё это приходилось считать будущей жизнью хотя бы на три дня.

— Кто ещё чинит её вещи? — спросил он по дороге к крыльцу.

— Разные мастера.

— Этот домик. Его ведь открывали до меня?

— Открывали.

— Видели знак?

Извеков остановился, пропуская женщину с корзиной. Когда она прошла, ответил:

— Я видел. Думал, отделка. Господин Нечаев говорил — Савельев любил оставлять свои метки. А что?

— Ничего. Хотел понять, почему крышка снимается легче с одной стороны.

Это была плохая ложь. Извеков даже не сделал вида, что поверил.

— Вам прислать коляску завтра или сегодня помочь перевезти машину?

Марк посмотрел на сад. На мгновение захотелось пойти пешком, дойти до Прасковьи, сесть за руль и уехать туда, где никто не станет расспрашивать. Но любой поворот дороги приводил бы к тем же лошадям, людям, бумагам, которых у него не было. Даже пустое место на карте не обещало пустого места в жизни.

— Сегодня, — сказал он. — Только сначала я вернусь к хозяйке. Она должна узнать от меня.

Извеков кивнул.

Перед отъездом Марк вернулся в комнату редкостей, собрал инструменты и ещё раз посмотрел на автомат. Детали лежали на ткани, каждая отдельно. Маленький человек с корзиной по-прежнему ждал у дерева.

Лаврина стояла у окна спиной к нему.

— Вы найдёте, чем заменить сломанное? — спросила она.

— Думаю, да.

— Тогда чините. Вопросы у вас всё равно не кончатся.

Марк убрал сумку на плечо. Он уже взялся за ручку двери, когда хозяйка добавила:

— Только Варваре не говорите, что её отец оставил вам наследство. Она таких слов не любит.

Он обернулся.

— Я этого и не говорил.

— Хорошо, — сказала Лаврина, не поворачиваясь. — Значит, не придётся забирать обратно.

Глава 5. Место под крышей

Прасковья выслушала его, не выпуская из рук деревянную миску.

Марк стоял у порога и рассказывал о сарае, широких воротах, заказе, который требовал нескольких дней. Всё получалось слишком складно. Он слышал собственный бодрый голос и понимал, что хозяйка слышит то же самое.

— А сама она тебя видала? — спросила Прасковья.

— Мы разговаривали.

— Ну, коли видала...

Она вытерла миску и поставила на полку.

Марк хотел отдать ей рубль. Достал монету, сказал, что за ночлег и еду. Прасковья посмотрела на серебро, затем на него.

— За ночь столько даёшь?

— Я не знаю, сколько нужно.

— То-то и видно.

Она не взяла деньги. Сказала, что за раму рассчитались, а хлебом она и прежде делилась. Если он собирается жить дальше, пусть сначала узнает цену хлеба. Марк почувствовал себя ещё беспомощнее, чем вчера с ненужными банкнотами.

— Я могу оставить что-нибудь полезное.

— Можешь, — согласилась Прасковья. — Только не говори потом, что дёшево отдал.

Он принёс небольшую упаковку игл. Она поднесла её к окну, разглядывая сквозь прозрачный пластик, и спросила, как открыть. Марк показал. Прасковья выбрала одну, попробовала на сложенной ткани и довольно кивнула.

— Вот это годится. И коробочка хороша.

Ему впервые пришло в голову, что часть его богатства здесь состоит из вещей, которые дома он покупал, не сравнивая цены.

Григорий стоял возле фургона. Панели оставались там, где Марк их поставил; рядом на корточках сидел младший мальчишка, которого он прежде не видел. При появлении хозяина машины тот вскочил и отступил к забору.

— Это Федька, — сказал Григорий. — Я ему только свет показывал. Не трогали ничего.

На левой руке повязка была чистой, завязанной немного иначе, чем утром. Марк спросил, кто перевязал. Григорий кивнул на дом.

— Тётка. Я не достал бы одной рукой.

Федька спросил, правда ли солнечная доска может зажечь свет в погребе. Марк ответил, что может, если заранее запасти электричество. Мальчик перестал слушать после слова «может» и посмотрел на Григория с таким уважением, будто тот лично построил эту вещь.

Марк отключил панели и начал складывать. Григорий молча помогал, повторяя движения с другой стороны. Когда кабели убрали, юноша спросил:

— Совсем уезжаете?

— Недалеко. К Лавриной. Знаешь её дом?

Григорий кивнул. Федька сразу стал рассказывать про собаку у ворот, но старший оборвал его взглядом.

— Мне можно будет прийти?

— Я спрошу. Не сам пока приходи. Там чужой двор.

— Я и здесь не сам пришёл.

Обиду Марк понял с опозданием. Юноша остался смотреть за машиной и панелями, а теперь получил предупреждение, будто его уже поймали за забором.

— Я тебе благодарен, — сказал Марк. — Правда. Только я там ещё никого не знаю.

Григорий снял с шеи шнурок, развязал и протянул маленький ключ. На металле осталась тёплая влага. Марк принял ключ и убрал рядом с большим.

— Ты ходишь в город?

— С батюшкой.

— В следующий раз скажи мне заранее. Может, вместе выберемся.

— На машине?

— Посмотрим.

Григорий усмехнулся.

— Взрослые всегда так говорят, когда нет.

— Я тоже иногда думал, что стану взрослым и перестану.

Юноша на секунду поднял глаза. Марк не стал обещать больше.

Авдей пришёл, когда машина уже была собрана. Принёс старую бочку с новой светлой клёпкой и показал Марку, где пришлось поправлять обруч. Бондарь вернул её раньше, чем обещал; Авдей собирался завтра отдать хозяину.

— Не течёт? — спросил Марк.

— Наливал. Держит.

Он провёл пальцем по свежему дереву, затем хлопнул ладонью по боку машины.

— Эту-то больше береги. С такой бочкой я не помогу.

Марк засмеялся. Авдей улыбнулся в ответ, и на этом всё неловкое, что ещё оставалось между ними после дороги, стало меньше.

Прасковья вынесла свёрнутое одеяло. Марк взялся за край, думая, что она забирает его из машины, но хозяйка подтолкнула свёрток ему в руки.

— Вечерами сырость. Вернёшь, когда устроишься.

— И одежду.

— И одежду. Муж мой худее тебя был, так что долго не тяни, разнесёшь.

Федька засмеялся, прикрыв рот. Прасковья велела ему идти домой.

Извеков прислал пешего человека проводить машину короткой дорогой. Проводник ждал у ворот, держа в руке шапку. Он заранее спросил, где можно идти, чтобы не попасть под колесо, и Марк был благодарен за этот вопрос: хотя бы один человек не притворялся, что уже знает, как обращаться с незнакомой вещью.

Перед тем как сесть за руль, Марк обернулся к Прасковье.

— Спасибо вам.

— Езжай, — ответила она. — А то сейчас опять сойдутся.

Он завёл двигатель. Григорий стоял у стены, не отходя, пока фургон не выкатился со двора. В зеркале Марк видел, как юноша поднял руку, затем опустил, словно передумал прощаться так явно.

Проводник шёл впереди, выбирая место посуше. Марк держал машину на малом ходу. Дорога, казавшаяся из коляски вполне удобной, под фургоном обнаружила ямы, поперечные колеи и камень на самом повороте, который лошади легко обходили.

Возле встречной телеги пришлось остановиться. Проводник поговорил с возчиком, тот отвёл лошадь к ограде. Марк заглушил двигатель и ждал, пока они пройдут. Мужчина у телеги разглядывал его через стекло. Потом постучал костяшкой пальца по двери, как стучат по арбузу.

Марк опустил окно.

— Что внутри? — спросил возчик.

— Мастерская.

— А тянет кто?

Марк не успел ответить: проводник уже объяснил, что машина следует к Екатерине Павловне. Это имя удовлетворило возчика больше, чем устройство двигателя. Он посмотрел ещё раз, поправил вожжи и пошёл дальше.

На широкой дороге Марк мог бы прибавить скорость, но не стал. Левый край лобового стекла был забрызган засохшей грязью, дворник оставлял полосу. По привычке он потянулся к омывателю и остановился. В бачке оставалась жидкость, которую здесь не купить. Через минуту ему стало смешно: воду он найти сумеет, а пока берёг полстакана так, будто от этого зависело возвращение домой.

Он всё-таки остановился ещё раз, протёр стекло влажной тряпкой и только после этого поехал дальше.

От последнего поворота проводник отстал. Дорожка была прямой, ворота виднелись впереди; Марк жестом спросил, можно ли ехать. Человек махнул рукой. Фургон медленно прошёл между створками, миновал сад и оказался перед сараем.

Встречать его вышло почти всё хозяйство.

Марк сразу понял, что спрятать машину здесь не удастся. Можно было поставить её под крышу, прикрыть от дождя и случайного человека с дороги. Но каждый из стоявших во дворе имел родных, соседей, знакомых. Железный воз уже стал рассказом, и запереть этот рассказ в сарае было невозможно.

Лаврина появилась последней. Извеков помог ей сойти с низкого крыльца. Она обошла машину, посмотрела на колёса, на разбитый край переднего бампера, затем остановилась у кабины.

— Вы вчера ударились?

— Камень задел.

— Я думала, такую вещь и поцарапать нельзя.

— Можно. И сломать тоже.

Она кивнула с выражением человека, получившего полезное уточнение о новом знакомом.

Марк поставил фургон задом к дальней стене. Для этого пришлось попросить всех отойти, дважды выйти, проверить расстояние и снова сесть. Камера показывала тёмную стену, но ему было спокойнее смотреть самому. У задней двери он оставил проход. Выключив двигатель, открыл обе передние двери, чтобы выветрился запах.

Лаврина попросила показать мастерскую.

Он открыл боковую створку и включил свет. Люди за спиной хозяйки перестали разговаривать. Даже Извеков, уже видевший фонарь, поднял голову к ровной светлой полосе под потолком.

Марк не стал перечислять всё. Показал верстак, закреплённые ящики, откидное сиденье. Объяснил, что тяжёлые вещи привязаны, иначе при резкой остановке могут ударить человека. Лаврина слушала внимательно, держась рукой за дверной край. Потом поставила ногу на подножку.

— Можно?

Марк помог ей подняться.

Внутри она сразу увидела механического жука, приклеенного к коробке. Провела пальцем по согнутой проволоочной ноге.

— Это живое?

— Нет. Я сделал для показа.

— А зачем приклеили?

— Чтобы не падал.

— Далеко вам до Создателя, Марк Сергеевич.

— Я не спорю.

Она засмеялась, и люди снаружи тоже позволили себе улыбнуться, хотя не все слышали ответ.

Лаврина села на откидное сиденье. Здесь она занимала почти всё свободное место, и Марку пришлось остаться на подножке.

— А спали где?

Он показал узкую лежанку.

— Нет, — сказала хозяйка. — Здесь вы работать будете. Комнату вам приготовят.

— Я бы лучше пока...

— Пока будете спать. Вы мне нужны с руками, которые не дрожат от усталости.

Марк хотел ответить, что умеет выбирать себе ночлег, но увидел, как она осторожно переносит ногу через высокий порог, и промолчал. Он помог ей спуститься. Крепкая рука на секунду сжала его пальцы — просто чтобы не упасть.

Комната была над помещением, где хранили сбрую и хозяйственные вещи. Узкая кровать, стол, таз для умывания; окно выходило на стену соседней постройки и кусок неба. Извеков принёс ключ и объяснил, где берут воду.

— Ужинать будете здесь или на кухне?

— На кухне, если можно.

— Можно. К хозяйке без приглашения не ходите. Если потребуется — передадите через меня.

Марк кивнул.

— А из двора выходить?

Извеков посмотрел на него.

— Вас не заперли. Только от ворот одному далеко не советую. Объяснять, кто вы, вам придётся самому.

Когда он ушёл, Марк закрыл дверь и остался стоять посреди комнаты. Его не заперли. Ему дали ключ. Внизу была машина, в кармане — телефон, в памяти которого лежала короткая строка от человека, приехавшего сюда раньше. Всё выглядело как начало удачи. Марк сел на кровать и долго не мог заставить себя снять обувь.

Он думал о матери. Теперь она уже наверняка позвонила Ульяне. Сестра звонила ему, потом искала номер человека с фестиваля. Может быть, уже обратились в полицию. Может быть, успокаивали друг друга: телефон сел, колесо пробил, остановился у знакомых.

Он поймал себя на том, что рассчитывает время там по времени здесь. Между этими днями могло вообще не существовать понятной связи. Дома ещё могло быть утро. Или всё могло закончиться прежде, чем он начал о них думать.

Марк достал телефон, нашёл фотографию матери и некоторое время смотрел на кухонный шкаф за её плечом. Дверца висела неровно. Он обещал отрегулировать петлю. Это обещание было хуже вчерашнего ужина: слишком маленькое, чтобы считаться важным, и слишком точное, чтобы от него отговориться.

Он убрал телефон. Достал из сумки лист с обведённой тягой и пошёл вниз.

В сарае уже никого не было. Марк запер боковую дверь машины изнутри, включил свет над верстаком и разложил инструменты. Индикатор станции показывал девяносто два процента. Дневное солнце вернуло большую часть заряда, потраченного ночью. Панели оставались сложенными: сегодня он больше не стал искать им место.

Для тяги нашёлся обрезок латунной полосы. Материал был толще старого, и Марк решил сначала сделать образец, который покажет, правильно ли он снял размеры. В прежней работе

он часто терял полдня, потому что торопился изготовить окончательную деталь прежде, чем проверил простую форму. Теперь каждый такой промах стоил ещё и запасов, которые нельзя пополнить привычным звонком.

Он открыл программу, построил плоский образец с двумя отверстиями, затем изменил одну из опор, чтобы удобнее удерживать будущую металлическую деталь. Утомлённые глаза не сразу заметили ошибку: одно расстояние он перенёс от края, а записал от середины. Марк вернулся к фотографии, увеличил изображение штангенциркуля, выругался и переделал чертёж.

Принтер начал работу с обычного жужжания. Первый слой лёг неровно. Марк остановил печать, очистил площадку, проверил крепление, ослабшее в дороге. Пришлось начать заново.

Он сидел рядом, пока тонкая белая линия превращалась в вещь. Снаружи звякнуло ведро, кто-то окликнул лошадь. Внутри двигался маленький механизм, который никто в этом дворе не смог бы повторить целиком. И всё же он тоже требовал чистой поверхности, верного размера и человека, способного заметить собственную ошибку.

Когда в дверь постучали, Марк вздрогнул так, что задел локтем коробку.

— Ужин, — сказал голос снаружи.

Он выключил верхний свет, оставив рабочую лампу, и вышел.

На кухне ему дали место у края стола. Люди расспрашивали меньше, чем он ожидал. У каждого был свой вопрос о машине, но рядом с ним сидел Извеков, и вопросы постепенно сменились обычным разговором о завтрашней доставке, больной корове и человеке, который обещал починить калитку, а не пришёл. Марк ел, слушал, иногда отвечал. Принтер в сарае продолжал свою короткую работу под закрытой дверью фургона.

После ужина образец уже остыл. Марк приложил его к бумажному контуру, проверил отверстия и подписал карандашом, какую сторону считать верхней. Станция показывала восемьдесят четыре процента. Для такой маленькой белой вещи ушло заметно много света и тепла.

Он выключил всё, кроме телефона, и сфотографировал готовый образец рядом со старым чертежом. Хотелось кому-то послать: «Смотри, что сегодня чиню». Раньше он отправил бы снимок знакомому мастеру, получил бы в ответ шутку и, вероятно, полезный вопрос. Сейчас список контактов оказался длиннее, чем он помнил. Каждое имя обещало возможность, которой больше не было.

Марк закрыл приложение и достал латунную полосу.

До сна он успел только разметить заготовку. Пальцы начали промахиваться, и он отложил работу. Наверху ждали чужая кровать и одеяло Прасковьи, которое он принёс с собой. Марк закрыл машину, проверил ключ в кармане и пошёл по лестнице, держась за перила левой рукой, чтобы не тревожить заклеенную ладонь.

Глава 6. Девочка в окне

Утром Марк обнаружил, что проснулся раньше, чем собирался.

Внизу передвигали что-то тяжёлое. Через окно слышались короткие распоряжения, стук дерева о камень, недовольное лошадиное фырканье. Он несколько секунд лежал, не открывая глаз, и пытался удержать место между сном и памятью. Потом ощутил под щекой грубоватую наволочку и встал.

Пластырь на ладони отклеился с одного края. Марк снял его, осмотрел порез, вымыл руку и заклеил заново. Кожа вокруг не покраснела; при сгибании пальцев всё ещё тянуло. Он знал, что будет забывать об этой мелочи, пока не придётся сильно сжать инструмент.

Во дворе двое работников разгружали доски. Оказалось, Извеков велел настелить проход от сарая: после дождя Марку пришлось бы таскать сумки через грязь. Благодарность пришла вместе с неприятным чувством. Его пребывание уже требовало чужих распоряжений, материалов, времени. Несколько дней постепенно обрастали вещами, которые трудно было свернуть одним словом «уезжаю».

Он поставил панели на открытом месте, оставив проход к колодцу, и вернулся к заготовке.

При дневном свете работа пошла быстрее. Пластиковый образец помог удержать одинаковое расстояние между отверстиями, но окончательную тягу всё равно пришлось подгонять руками. Марк сделал её чуть с запасом, убрал острые края, промыл и высушил. Старую деталь он вчера оставил рядом с механизмом у Лавриной; сравнивать приходилось с фотографией и размерами.

К нему дважды заглядывали. Сначала мальчик принёс хлеб и молоко, потом Извеков спросил, когда можно будет продолжить ремонт. Марк ответил, что через час. Не стал говорить «скоро»: здесь это слово, как и дома, приглашало приходить каждые десять минут.

Когда он поднялся в дом, автомат стоял там же. Кто-то прикрыл детали тонкой тканью. Марк снял её, проверил, ничего ли не сместилось, и только затем разложил принесённое.

Лаврина отсутствовала. Это оказалось облегчением. Он мог ошибиться, заметить ошибку и исправить её без молчаливого зрителя за плечом.

Новая тяга сначала не села. Марк оставил отверстие слишком тесным, опасаясь лишнего люфта. Пришлось ещё раз пройти его вручную и убрать крошечный заусенец. Затем он ослабил крепление перекошенной стойки, подложил тонкую металлическую пластинку и вновь проверил ход.

Человек с корзиной сделал половину шага.

Марк остановил механизм. Внутри всё ещё цеплялось дерево, разбухшее у края. Он убрал совсем немного, подержал снятую стружку на пальце, словно мог по ней оценить собственную осторожность, и повторил движение.

Теперь фигурка прошла дальше. Корзина начала опускаться, но девочка в окне не появилась.

Он отложил ключ и выдохнул. За окном разговаривали люди; кто-то прошёл по дорожке так близко, что стало слышно шуршание одежды по кусту. Марк посмотрел на часы. Он провёл за столом почти два часа и не заметил, как приблизился полдень.

Раньше он написал бы заказчице короткое сообщение. Теперь пришлось выйти и попросить передать, что работа продолжается.

Возвратившись, Марк увидел у стола незнакомую женщину.

Она не трогала механизм. Наклонилась над ним, придерживая одной рукой край дорожной накидки. На стуле лежали перчатки и небольшая кожаная сумка. Женщина услышала шаги, выпрямилась и посмотрела на него.

— Вы Лунёв?

— Да.

— Варвара Суворина. Мне передали, что вы хотели говорить об отце.

Марк остановился у двери.

Он представлял её младше. Это было глупо: после смерти Савельева прошло двадцать лет. Но слова «осталась дочь» успели создать в голове девочку, которая ждёт объяснений. Перед ним стояла взрослая женщина с усталым от дороги лицом и тёмным пятном чернил возле ногтя. Она смотрела прямо, не помогая ему начать.

— Спасибо, что приехали. Я не знал, как вас найти.

— А нашли что?

Марк показал на снятую крышку.

— Вот здесь.

Варвара подошла. Он повернул латунную пластинку так, чтобы не бликовала, и спросил, видела ли она раньше подобные знаки.

— Этот — нет.

— А похожие?

— Может быть. Я не помню каждую вещь в отцовской мастерской. Что он означает?

Марк достал телефон. Она отступила на полшага, когда загорелся экран, потом приблизилась снова.

— Что это?

— Прибор. Он умеет читать такие знаки.

— А вы без него?

— Я — нет.

Это признание, кажется, несколько изменило её отношение к происходящему. Она перестала смотреть на него, как на человека, собирающегося произнести заранее выученную речь, и проследила за движением телефона.

Строка появилась не сразу. Марк нашёл прежний снимок, но затем всё-таки повторил чтение с настоящей пластины. Ему было важно, чтобы она видела: ответ получается здесь, при ней.

ANDREY.2024>1798

Варвара наклонилась ближе.

— Латинскими буквами?

— Андрей. Здесь его имя.

— А числа?

Марк посмотрел на дверь. Из коридора доносились шаги.

— Я думаю, это годы.

— Вы думаете или знаете?

— Про первую часть знаю. Про числа — думаю.

Варвара прочла их вслух. На две тысячи двадцать четвёртом запнулась, затем произнесла полностью и посмотрела на него так, словно он испортил хороший разговор ненужной шуткой.

— Кому нужна такая дата?

— Человеку, который её понимает.

— Вам?

Он не успел ответить. Вошла Лаврина, за ней Извеков. Хозяйка приветствовала Варвару коротко, без удивления; значит, её приезда ждали.

— Уже познакомились? — спросила она.

— Уже показал, — ответила Варвара.

Марк убрал телефон в карман, заметив, как Екатерина Павловна проследила за его рукой.

— Он мне не всё рассказал, — сказала она Варваре. — Может, вам будет удачнее.

— Если будет что рассказывать.

Лаврина предложила чай. Варвара отказалась, потом спросила, долго ли Марк ещё будет работать с автоматом.

— Не знаю. Почти всё движется. Окно пока не открывается.

— Покажите.

Он отодвинул стоявший рядом стеклянный колпак, чтобы лучше видеть домик сбоку, и осторожно запустил движение. Птица повернула голову, человек вышел к дереву. Дальше механизм остановился.

Варвара наклонилась. Марк уже протянул руку к ключу, но она сказала:

— Подождите. Ему здесь надо постоять.

— Я вижу. Но дальше не идёт.

Она посмотрела на Лаврину.

— Вы крышу снимали?

— При мне — нет.

Варвара провела пальцем вдоль конька и нашла маленький штифт, почти неразличимый среди тёмной краски. Марк придвинул свет. Она показала, где придержать скат, и они вместе подняли верхнюю часть домика.

Внутри окно удерживала тонкая нить. Её намотали вокруг тяги и закрепили на выступе крыши.

Марк посмотрел на Варвару. Она отдёргнула руку.

— Это я сделала.

Лаврина нахмурилась.

— Когда?

— Маленькая ещё. Окно хлопало, и я сердилась. Отец велел не трогать. Я всё равно привязала.

— Оно у меня открывалось, — возразила Лаврина.

Варвара покачала головой.

— Тогда он потом отвязал. Или эта нить другая.

Она отступила, уступая место Марку. Тот рассмотрел узел, не решаясь снять его сразу. Нить была старой, но по виду он не мог определить, прожила она двадцать лет или тридцать. Такое же крепление вполне мог сделать позднейший мастер, чтобы неисправное окно не мешало остальному ходу.

— Я запомнила, как делала, — сказала Варвара уже спокойнее. — Не саму нитку.

Марк кивнул. Сфотографировал её положение, затем освободил тягу. Узел не поддавался; пришлось перерезать нить, сохранив снятый кусочек рядом с обломком старой детали.

Окно открылось слишком широко и стукнуло о стенку. Варвара вздрогнула, потом коротко рассмеялась.

— Вот. Потому я и сердилась.

Она улыбалась не ему. Марк увидел, как быстро меняется лицо, когда человек неожиданно встречает собственное детство, и снова повернулся к механизму, чтобы не мешать.

Настройка заняла ещё полчаса.

Птица не пела: мех, подававший воздух к свистку, пропускал его через трещину. Марк показал повреждение Лавриной и сказал, что здесь понадобится человек, умеющий работать с тонкой кожей. Хозяйка посмотрела на него с явным желанием спросить, неужели его машина не делает и этого, но ограничилась кивком.

— Движение покажите, — попросила она.

Марк установил крышу, не ставя пока стеклянный колпак. Завёл пружину совсем немного и отнял руку.

Человек вышел из дверей. Его ноги двигались не вполне естественно, одна чуть опережала другую, но именно эта небольшая неловкость оживляла фигурку. Птица повернула голову. Корзина опустилась на землю. В верхнем окне показалась девочка и подняла руку.

Варвара смотрела, держа перчатки перед собой. Одна оказалась вывернутой, и большой палец торчал внутрь, но она этого не замечала.

Лаврина произнесла тихо:

— Теперь да.

Механизм сделал ещё круг. На этот раз Марк следил за нижними тягами, за новой деталью и за стойкой, которую выровнял. Ничего не цепляло. Он остановил автомат, не давая пружине доработать до конца, и только тогда поднял глаза.

— Птицу отдельно восстановим. Остальное нужно ещё несколько раз проверить.

— Тимофей Артемьевич посмотрит, — сказала Лаврина. — Он завтра обещал приехать.

Варвара опустила перчатки на стол.

— Его вы тоже позвали?

— Он знает работу вашего отца лучше других.

— Знает.

По тому, как было сказано это слово, Марк понял: спрашивать о Нечаеве сейчас не следует. Лаврина тоже услышала, но не стала отвечать.

Она распорядилась принести чай сюда. Варвара на этот раз не отказалась. Села ближе к окну, сняла накидку. Под ней оказалось простое платье тёмного винного цвета; у манжеты виднелись несколько мелких стежков другого оттенка, следы недавней починки.

Марк убрал острые инструменты и накрыл разобранный низ автомата тканью, чтобы крошки не попали внутрь. Варвара наблюдала за этим движением.

— Вы всё складываете отдельно?

— Иначе потом не вспомню, откуда что.

— Отец говорил, что помнит. А потом искал.

— Обычно так и бывает.

Она наконец посмотрела на него без прежнего ожидания подвоха.

Лаврина спросила о заказах. Варвара ответила, что один готов, а за другой до сих пор не рассчитались. Фамилия заказчика Марку ничего не сказала. Екатерина Павловна предложила написать этому человеку, но Варвара быстро покачала головой.

— Он тогда решит, что я жалуюсь вам каждый раз, когда хочу получить своё.

— А если решит, что можно вовсе не платить?

— Я не отдала ему работу.

Лаврина усмехнулась и велела налить ей ещё чаю.

Марк узнал, что Варвара держит небольшую мастерскую, оставшуюся после мужа. Они гравировали надписи, делают небольшие заказные вещи и чинят то, за что берётся старший мастер. Слово «они» она произносила естественно. Марк не спросил, какая часть дела принадлежит лично ей и как именно оформлена: он уже понял, что вопрос, обычный в его прежней жизни, может попасть в больное место, о существовании которого он ещё не знает.

— Вы сами гравироваете? — спросил он.

— Простое. Лучше всего исправляю то, что заказчик передумал писать.

— Часто передумывают?

— Особенно имена.

Лаврина засмеялась. Варвара улыбнулась краем рта и потянулась за чашкой.

Марк хотел спросить о бумагах Савельева, но не смог сделать это при хозяйке. Он ещё не понимал, что связывает этих женщин. Они были знакомы давно, могли шутить и спорить; при

этом Варвара сидела так, будто в любой момент готова встать, а Лаврина слишком внимательно следила, когда разговор приближается к прошлому.

После чая Екатерину Павловну позвали из комнаты. Она поднялась неохотно, попросила Варвару не уезжать без прощания и вышла. Извеков ушёл следом, унося поднос.

Марк подождал, пока шаги стихнут.

— У вас сохранилось что-нибудь от отца? Записи, письма?

— Немного.

— Я хотел бы посмотреть.

Варвара поставила чашку.

— Для чего?

Он сел напротив. На стене над её плечом висела миниатюра, которую он прежде не заметил: мужчина с длинным узким лицом, написанный на фоне неправдоподобно голубого неба. Марк зачем-то запомнил это лицо, чтобы не смотреть всё время на Варвару.

— Я думаю, ваш отец приехал из тех же мест, что и я.

— Из каких?

— Далеко отсюда.

Она отодвинула чашку.

— Екатерине Павловне, может быть, приятно выслушивать загадки. Мне пришлось оставить работу и ехать сюда. Вы попросили меня об этом. Скажите, зачем.

Марк опустил глаза. На большом пальце у него оставалась белая пыль от пластика. Он соскоблил её ногтем, прежде чем ответить.

— Со мной случилось то, чего я не понимаю. Я оказался здесь и не знаю, как вернуться домой. У меня есть вещи, каких здесь не делают. У вашего отца была одна такая вещь — или знание, как её сделать. Вот этот знак.

Варвара молчала.

— Я не утверждаю, что мы знакомы. Не хочу забрать его работы. Но если он оставил записи о том, откуда приехал и что с ним случилось, мне нужно их увидеть.

— Вы думаете, он поможет вам вернуться?

— Я надеюсь.

Она некоторое время смотрела на его руки.

— Почему вы не ищите тех, кто привёз вас сюда?

— Меня никто не привёз. Я ехал сам. По дороге увидел свет. А потом всё изменилось.

Варвара взяла перчатки со стола, вывернула одну обратно и разгладила пальцы. Марк ожидал, что она встанет. Но она осталась сидеть.

— Отец иногда ездил к одному месту, — сказала она. — За Пулково. Я не знаю зачем. Когда была маленькая, думала, что мы гуляем.

Марк почувствовал, как напряглись плечи.

— Вы помните дорогу?

— Плохо. Меня возили, я не правила. Потом он перестал брать меня с собой.

— Что там было?

— Дерево. Поле. Однажды мы сидели под дождём, хотя домой можно было уехать. Я сильно замёрзла. Больше всего помню это.

Он хотел сразу спросить, какое дерево, сколько ехали, в какую сторону смотрел отец. Удержался. Варвара следила за ним, и он понял, что даже сейчас способен превратить её воспоминание в набор расстояний, не заметив человека, который ему его доверяет.

— Простите, — сказал он. — Я слишком много спрашиваю.

— Вы пока мало рассказали.

— Да.

Она сложила перчатки пополам.

— Я дам посмотреть несколько писем. У себя. Вы ничего не унесёте.

— Могу снять изображение? Как с этой пластинки. Бумага останется у вас.

— Сначала посмотрим, что именно.

Это было справедливо. Марк кивнул.

Варвара встала и подошла к автомату. Посмотрела на маленькое окошко, не прикасаясь к нему.

— Я была уверена, что он делает для меня, — сказала она.

— Этот домик?

— Да. Всё приходила смотреть. А однажды его не стало. Отец сказал: заказ. Мне тогда очень не понравилось это слово.

Она повернулась к Марку.

— Почините птицу. Без неё совсем не то.

Он пообещал найти мастера для меха.

Когда Варвара пошла прощаться с хозяйкой, Марк остался возле стола. Он увидел на ткани отрезанную нитку и осторожно переложил её в маленький бумажный свёрток. Не потому, что знал её происхождение. Просто выбросить сразу теперь не мог.

Глава 7. Человек с сухими руками

Нечаев приехал на следующий день, когда Марк пытался объяснить работнику, почему нельзя ставить ведро на солнечную панель.

Объяснение шло плохо. Ведро было пустое, доска под ним казалась ровной и достаточно крепкой, а место возле колодца всем требовалось каждый день. Марк сам выбрал его вчера. Теперь приходилось признавать, что он оставил проход человеку, но не человеку с двумя ведрами.

— Я переставлю, — сказал он наконец. — Только помогите кабель не зацепить.

Работник сразу согласился. Всё стало проще, как только вопрос перестал касаться невидимого света и начал касаться свободного места.

— Дорогой стол у вас, — произнёс кто-то за спиной.

Марк обернулся.

К сараю шёл невысокий пожилой мужчина в тёмном сюртуке. Он не опирался на трость, хотя держал её в левой руке, а использовал, чтобы отводить высокую траву у дорожки. Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Лицо — широкое, с тяжёлыми веками и короткой складкой между бровями — не выражало того удивления, к которому Марк за эти дни начал привыкать.

— Тимофей Артемьевич? — спросил он.

— А вы Лунёв. Екатерина Павловна прислала такое письмо, что я решил: либо болезнь, либо новый музыкант. Про музыкантов она пишет похоже.

Они поздоровались. Ладонь Нечаева была сухой и жёсткой; пальцы сжали руку Марка осторожно, заметив пластырь.

— Ушиблись?

— Занозу вытаскивал. Уже заживает.

— Тогда не будем мешать. Куда переставляете?

Марк показал свободное место дальше от колодца. Нечаев посмотрел, куда идёт кабель, затем спросил, нельзя ли провести его вдоль стены. Вопрос был настолько обыкновенный, что Марк испытал облегчение.

Они вместе перенесли панели. Работник вернулся к ведрам. Нечаев поставил трость к стене. Марк открыл боковую дверь фургона, придвинул станцию к проёму и показал ему экран.

— Что показывает?

Марк объяснил, какую часть запаса даёт число, а какое относится к поступающей мощности. Не стал переводить всё сразу в исторические меры, которых сам толком не знал. Нечаев выслушал, заслонил панель ладонью, посмотрел на изменившееся число. Прodelал это ещё раз — медленнее, чем Григорий, но с тем же неподдельным удовольствием.

— А если света нет?

— Живу на том, что накопилось.

— Надолго?

— Смотря что включать.

Нечаев кивнул. Ни одного вопроса о чудесах он не задал.

Марк пригласил его внутрь.

Сначала гость осмотрел крепления ящиков. Провёл пальцем по краю верстака, попросил разрешения выдвинуть один из лотков. Потом увидел штангенциркуль и взял его так, как берут знакомую вещь в непривычном исполнении: нашёл губки, проверил ход, посмотрел на деления.

— Тонкая работа, — сказал он. — Ваше?

— Куплено.

Нечаев усмехнулся.

— Так я и думал. Человек, который такое сделал, прежде всего показал бы это.

— Почему?

— Потому что долго делал.

Марк подвинул ему лупу с подсветкой. Нечаев включил её по показанному движению, посмотрел на собственный ноготь, затем на мелкий винт. Усмешка исчезла.

Он долго не говорил ничего. Марк тоже молчал. Во дворе скрипнула телега; из дома донёлся женский голос. Нечаев повернул винт, рассматривая резьбу, и только потом спросил:

— Их много у вас?

— Таких винтов? Несколько коробок.

— Одинаковых?

— В одной коробке — одинаковых.

Нечаев положил винт на ткань, чтобы не потерять.

— Вот это я бы посмотрел. Как делают много одинаковых.

Он произнёс это с такой сдержанной завистью, что Марк впервые почувствовал собственное преимущество без необходимости немедленно его оправдывать. Он не придумал эти станки, не изготовил металл, не написал программы. Но видел, как всё это работало, умел выбирать нужное и привёз с собой маленький запас мира, в котором одинаковые винты ничего не стоили.

Возле ноутбука лежало белое приспособление для изготовления тяги. Нечаев взял его, взвесил на ладони и спросил, отлито ли оно. Марк объяснил, что сделал форму позавчера: небольшая машина положила материал тонкими слоями. Гость повернул деталь к свету, заметил полоски на боку и отложил рядом с винтом.

Марк нашёл на ноутбуке короткую запись из цеха, где ремонтировал подачу заготовок. Прежде чем включить, проверил звук и убрал его совсем. Нечаев сел на откидное сиденье; Марк поставил ноутбук перед ним.

Когда на экране двинулись люди, старик схватился за край верстака.

— Это сейчас?

— Нет. Раньше было. Сохранённое изображение.

Нечаев приблизился к экрану, затем откинулся. Посмотрел на Марка и снова на станок.

— Остановить можно?

Марк нажал паузу.

— Назад?

Он вернул запись на несколько секунд. Нечаев показал пальцем на деталь, которую Марк прежде не считал важной, и попросил увеличить. Изображение распалось на крупные пятна. Пришлось объяснить предел.

— Понимаю, — сказал Нечаев. — Не сам станок в ящике.

Марк улыбнулся.

Гость посмотрел весь короткий отрывок три раза. На четвёртом остановил Марка и спросил, почему рабочий ждёт, вместо того чтобы сразу снять готовую деталь. Марк рассказал о закрытом кожухе и движении инструмента. Нечаев кивнул и показал собственный левый палец, немного кривой у последней фаланги.

— Хорошо, когда машина заставляет ждать. Человек не всегда желает.

Это было сказано без особого смысла, как старое профессиональное замечание. Марк поймал себя на том, что ему нравится этот человек.

К автомату они пошли вдвоём. Лаврина ждала в комнате и сразу спросила, видел ли Нечаев машину.

— Видел.

— И что скажете?

— Ещё посмотрю.

— Вы хотя бы удивлены?

— Екатерина Павловна, я удивлён с приезда. Дайте привыкнуть.

Она осталась довольна ответом и подвинула к нему футляр.

Марк показал новую тягу, крепление стойки и повреждённый мех птицы. Нечаев достал очки. Прежде чем надеть, протёр одно стекло краем чистого платка, второе только осмотрел. Посмотрел на работу долго, но без той настороженности, с которой мастер иногда встречает чужой ремонт.

— Здесь потоньше бы, — сказал он, указав на плечо тяги. — А то при перекосе она уже не уступит, согнёт соседнее.

Марк сравнил толщину со старой деталью. Он учёл ход и зазор, но действительно оставил новый металл заметно жёстче.

— Согласен. Уберу.

— Не всю. Вот здесь.

Нечаев показал место и убрал руку. Он не стал сам хвататься за инструмент, оставляя ремонт Марку.

Мех осмотрел иначе: сначала не касаясь, затем едва надавил сбоку и прислушался.

— Кожу всю менять придётся. Заплата потянет соседнее. У меня есть человек, который сделает. Отдадите со мной?

Лаврина посмотрела на Марка, словно он уже стал ответственным за эту вещь целиком.

— Я сниму, — сказал тот. — Только размеры и положение сохраняю.

— Сохраните, — согласился Нечаев. — И старое отдам обратно. Иначе вы решите, что я починил одно, а вернул другое.

Марк засмеялся. Нечаев не улыбнулся, и он понял, что шуткой это было только наполовину.

Когда снятая деталь лежала на бумаге, Лаврина спросила:

— Вы помните, для кого Андрей Борисович делал этот домик?

— Для вас.

— Варвара вчера сказала, что считала его своим.

Нечаев снял очки.

— Она всё считала своим. Маленькая была. Отец обещал сделать ей другой.

— Не сделал.

— Не успел.

Он произнёс это спокойно, но после короткой паузы, будто видел перед собой больше вещей, чем стояло сейчас на столе.

Марк спросил, давно ли они познакомились с Савельевым.

— Почти сорок лет назад.

— В девяносто восьмом?

Нечаев поднял на него глаза.

— Похоже. Да. Вы откуда знаете?

Марк ощутил взгляд Лавриной.

— Увидел дату на его вещи.

— На этой?

Он кивнул.

Нечаев взял снятую крышку, посмотрел на латунную пластину.

— Вы прочли его клеточки?

— Прибор прочёл.

— Вот как.

Он поставил крышку обратно. Лаврина наклонилась вперёд.

— Так вы знали, что здесь написано?

— Я знал, что он иногда вместо подписи ставил эту мелочь. Говорил, кто надо — прочтёт.

Я не читал.

— И не спрашивали?

Нечаев посмотрел на неё, медленно поворачивая очки в руке.

— Спрашивал. Он отвечал: имя моё. Мне и без клеточек было известно, как его зовут.

Марк спросил, остались ли другие вещи с такими знаками. Нечаев пожал плечами.

— Может быть. Что-то разошлось по заказчикам. Что-то пропало. После пожара много чего не стало.

Лаврина позвонила в маленький колокольчик. Марк не знал, собирается ли она прервать разговор, но вошедшему человеку хозяйка велела только принести воды. Нечаев убрал очки и занял стул у окна.

— У него была вещь вроде вашей, — сказал он Марку. — Плоская. Светилась.

Марк замер.

— Телефон?

— Он называл иначе. Или я забыл. Там появлялись знаки. Он очень её берёт. Однажды она перестала гореть. Он целый день просидел, никого не подпускал. Потом спрятал.

Лаврина молчала. Марк понял, что этого она прежде не слышала.

— Где спрятал?

— В свою сумку. Дальше я не знаю.

— Когда это было?

— Давно. До женитьбы ещё. В первые годы.

Нечаев взял поданный стакан, но не стал пить.

— Он не всё мне рассказывал, Марк Сергеевич. Не думайте, что я могу объяснить вам каждую его привычку. Мы работали вместе. Дружили, ссорились. Иногда месяцами говорили только о деле. Так тоже бывает.

Марк кивнул.

Он хотел немедленно показать ему все свои вещи, назвать даты и спросить, говорил ли Андрей о будущем. Отсутствие простого живого собеседника из дома делало любую близость опасно притягательной. Нечаев знал человека, который держал телефон. Этого почти хватало, чтобы считать его своим.

Но рядом сидела Лаврина. Марк ограничился вопросом:

— Сумка сохранилась?

— Думаю, сгорела. Он с ней не расставался. Бумаги там были, мелочи. Всё личное.

— А бумаги в другом месте?

— Рабочие остались. Частью у меня, частью здесь. Екатерина Павловна покупала образцы вместе с описаниями.

Лаврина поставила стакан на стол.

— Что было предложено к продаже, то и купила.

— Разумеется, — ответил Нечаев.

Марк перевёл взгляд с одного на другую. Теперь неловкость, замеченная вчера рядом с Варварой, получила предмет: нечто было продано после смерти отца, и дочь не считала это законченным разговором.

После обеда Нечаев снова попросился к машине.

Марк открыл капот, но двигатель не заводил. Гость смотрел без разочарования, хотя под капотом оказалось гораздо меньше доступного пониманию, чем могло показаться со стороны. Провода уходили под кожу, шланги соединяли непривычные узлы, металл был скрыт пластиком.

— Вы это чините? — спросил Нечаев.

— Не всё. Иногда сам ищу другого мастера.

— А теперь?

Марк не ответил. Нечаев посмотрел на него и отвёл глаза первым.

— Тогда лучше беречь.

Он не стал утешать. Марк был ему благодарен.

Они отошли в тень сарая. Нечаев попросил воды, выпил медленно и поставил стакан на пустой ящик.

— Екатерина Павловна сказала, что Варвара позволит вам посмотреть отцовские письма. Поедете?

— Она разрешила приехать.

— Поезжайте. Только не обещайте девочке лишнего.

Марк нахмурился.

— Она уже не девочка.

— Знаю. Всё равно так говорю. Я помню, как она под верстаком спала, пока отец доделывал заказ.

Нечаев провёл пальцем по краю стакана.

— Она думает, что после пожара ей что-то недодали. Может быть, и недодали. Долгов было больше, чем все хотели помнить. Я тогда половину года только рассчитывался. Она видела вещи, которые уезжали со двора. Расписок ей никто не показывал. В одиннадцать лет от расписок мало толку.

— А теперь показать можно?

— Можно. Только не всё у меня. Что сохранилось — покажу.

Он сказал это без обиды, и Марк пожалел, что задал вопрос таким тоном.

Нечаев помолчал, глядя в сторону ворот.

— Вы с Екатериной Павловной условия работы обговорили?

— Пока чиню автомат. За остальное не брался.

— Тогда обговорите. Она бывает щедра. Но любит считать, что человек понял её без слов. Потом трудно объяснить, чего именно вы не понимали.

— Вы давно её знаете?

— Достаточно, чтобы говорить об этом только здесь.

Марк усмехнулся. Нечаев не поддержал улыбку.

— Андрей тоже сперва думал, что главное — сделать хорошую вещь. В остальном разберётся. Вещи он делал хорошие.

— А в остальном?

Старик поднял стакан, убедился, что он пуст, и поставил обратно.

— Вам лучше увидеть бумаги. Тогда поговорим.

Он достал из внутреннего кармана небольшую карточку, написал на обороте несколько строк и протянул Марку. Название улицы, дом, вход со двора. Сказал, что будет у себя послезавтра, и пригласил принести рисунок того приспособления, которое Марк печатал для ремонта.

— Зачем?

— Хочу понять, как вы за один вечер получили такую ровную форму.

Марк показал на фургон.

— Можно сейчас.

— Сейчас у меня голова больше не принимает, — ответил Нечаев. — Если ещё что-нибудь покажете, я забуду первое.

Он взял трость, оставленную у стены, и пошёл к дому за снятым мехом. Марк проводил его взглядом. В кармане лежала карточка с адресом ещё одного человека, который мог рассказать о Савельеве. Впервые за три дня будущее здесь складывалось из встреч, на которые его ждали.

У колодца опять стояло ведро. Теперь на земле, в стороне от панелей. Марк прошёл мимо и только возле сарая понял, что оставил капот открытым.

Он вернулся, опустил его и нажал ладонью, проверяя замок. В лобовом стекле отразился дом Лавриной, а над крышей — небо без единого самолётного следа.

Глава 8. Письма без адреса

До Петербурга Марк поехал с Извековым.

Тому требовалось отвезти письма, получить расчёт у одного торговца и договориться о доставке нескольких вещей из городского дома Лавриной. Он перечислил дела за завтраком, не предлагая взять Марка с собой. Марк спросил сам.

— К Варваре Андреевне?

— Да. Она разрешила посмотреть письма.

Извеков кивнул.

— Её дом знаю. Провожу. Обратного уедем вместе, если закончите вовремя.

Марк спросил, когда именно. Служащий назвал час и место встречи, затем достал бумагу и написал, как туда пройти от Варвариной мастерской. Марк сфотографировал лист, но сам лист тоже взял.

— Здесь лучше иметь то, что можно показать любому, — заметил Извеков.

Перед отъездом Марк закончил работу над тягой, сняв лишний металл там, где указал Нечаев. Проверил ход, поставил детали на место и накрыл автомат колпаком. Птица оставалась немой; отверстие снятого меха он прикрыл тканью, чтобы внутрь не летела пыль. Испытание с новым мехом ещё предстояло.

Лаврина дала ему четыре серебряных рубля за уже сделанное. Марк хотел сперва договориться о полном расчёте, но она ответила, что за чужую работу с кожей заплатит отдельно, а его времени потрачено достаточно.

— За комнату сколько я должен? — спросил он.

— Пока ничего. Если начнёте портить мне жизнь — поговорим снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.